

КРИМИНАЛЬНЫЕ И СУДЕБНЫЕ ИСТОРИИ

ФЁДОР РАЗЗАКОВ

ХРОНИКА РОССИЙСКОЙ
ПРЕСТУПНОСТИ. 1917-1991 ГОДЫ

БАНДИТЫ ВРЕМЁН СОЦИАЛИЗМА

Советский уголовный розыск оказался одним из самых эффективных правоохранительных органов, пожалуй, за всю историю Отечества

Федор Ибатович Раззаков
Бандиты времен социализма.
Хроника российской
преступности 1917-1991 годы
Серия «Криминальные
и судебные истории»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67935825

*Бандиты времен социализма. Хроника российской преступности
1917-1991 годы:
ISBN 978-5-00180-729-2*

Аннотация

На основе богатого фактического материала автор создал криминальную хронику СССР, включающую как широко известные уголовные дела, так и те, что не получили общественного резонанса: ограбление Патриаршей ризницы и Музея изобразительных искусства, убийство депутата Верховного Совета и взрыв в Мавзолее, ограбление Ереванского банка и убийство популярного киноактера.

Особый интерес представляют собой страницы, рассказывающие о становлении МУРа и образовании касты воров в законе. Среди антигероев этой книги: знаменитые

налетчики Яков Кошельков и Ленька Пантелеев, лже-полковник Павленко и бандит Митин, валютчик Рокотов и маньяк Ионесян, фальшивомонетчик Баранов и братья-бандиты Толстопятовы. Все это и многое другое читатель найдет в книге «Бандиты времен социализма».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Первые банды республики Советов	6
Преступления времен Великой Отечественной	48
Борьба за власть в правительстве СССР. Банды 50-х	65
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Фёдор Ибатович Раззаков
Бандиты времен
социализма
Хроника российской
преступности
1917–1991 годы

© Раззаков Ф. И., 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

Первые банды республики Советов

Ограбление Патриаршей ризницы. Банда Сабана, Кошелькова, Вани Белки и др. Ленька Пантелеев. Банда Котова. «Веер дьявола» Мишки Культяного. Кража из Музея им. А. С. Пушкина

Ушедшая в небытие в феврале 1917 года великая царская Россия оставила новым правителям довольно пестрый и профессиональный уголовный мир. Но лучшее, что смогла сделать новая демократическая власть с этим миром, это тут же объявить ему в марте 17-го года всеобщую амнистию. После нее тысячи уголовников заполнили Россию от края и до края, и той же весной преступность в стране сделала небывалый скачок. Если весной 1916 года в Москве было совершено 3618 преступлений, то в тот же период 17-го – свыше 20 тысяч. Если в 1913 году в Москве в день поступало до 20 заявлений о крупных кражах, то с весны 1917 года – больше сотни. То же самое происходило и с убийствами. В том же 1913-м из каждых ста осужденных менее всего убийц оказывалось в Москве.

В 1913 году в Швейцарии на Международном криминалистическом конгрессе Московская сыскная полиция (ее тогда возглавлял Аркадий Францевич Кошко) была признана лучшей в мире. Раскрываемость преступлений в Москве составляла 52 %. А ведь до прихода в московскую сыскную по-

лицию А. Кошко (май 1908 г.) дела обстояли крайне скверно. Ее начальник был уличен во взятках и полном развале сысского дела. Прошло всего пять лет, и московские сыщики обогнали своих коллег из Санкт-Петербурга и достойно представили Россию на конгрессе в Швейцарии.

После февраля 17-го убийства в Белокаменной выросли в 10 раз, а раскрываемость их равнялась практически нулю. Можно сказать, что кровавая бойня на фронте дала жесткие уроки убийств, грабежей и насилия миллионам людей. И вот тогда россияне, стеная и плача под бандитскими ножами и обрезами, призвали к власти партию порядка – большевиков. Так произошла Великая Октябрьская революция.

Большевики, не обремененные никакими буржуазными привычками типа «суда присяжных» или «презумпции невиновности» и приравняв любое уголовное преступление к категории политического, железной рукой принялись наводить порядок в стране. 28 октября (10 ноября) 1917 года была создана советская милиция. 20 декабря того же года появляется ВЧК.

Первым заведующим Управлением милиции НКВД РСФСР, а затем начальником Главного управления милиции стал большевик с 1912 года Андрей Дижбит. При нем Главное управление состояло из пяти отделов: общего (наружная служба и контроль за порядком на улицах), инструкторского, снабжения, информационного и культурно-просветительного. Уголовный розыск тогда находился в ведении Народно-

го комиссариата юстиции. Правда, уже при Дижбите по его настоянию перед правительством был поставлен вопрос об объединении сил в руках Наркомата внутренних дел. Вскоре уголовный розыск перешел в ведение НКВД. Случилось это в октябре 18-го. До Октябрьской революции в преступном мире России существовали четыре устойчивые касты уголовников: «Иваны», «храпы», «игроки» и «шпанка». «Иванами» звали себя те, кто занимался грабежами, кто всегда стремился к лидерству и вел себя достаточно агрессивно по отношению к другим заключенным. «Храпы» были любителями загребать жар чужими руками, их благосостояние базировалось на активном обмане своих же товарищей по заключению. «Игроками» назывались карточные и иные шулера, самые интеллигентные и образованные люди в преступной среде. И, наконец, четвертая каста – «шпанка» – представляла собой низшее сословие заключенных, всеми презираемое и гонимое.

Октябрьская революция и гражданская война заметно пополнили армию уголовных преступников России за счет представителей мелкой буржуазии, анархистов и проигравших войну белогвардейцев. И все же первый эшелон этой многочисленной армии составляли тогда преступники с давним, еще дореволюционным уголовным прошлым. «Иваны», объединявшиеся в банды, буквально терроризировали население не только мелких провинциальных городов, но и таких, как Москва и Петроград. Поэтому неопределимую услугу

молодой советской правоохранительной системе могли бы оказать в борьбе с разнузданным бандитизмом старые специалисты, асы царского сыска. Когда в январе 1918 года из Патриаршей ризницы Московского Кремля преступники похитили изумруды, сапфиры, редкие бриллианты, Евангелие 1648 года в золотом окладе с бриллиантами, Евангелие XII века, золотую чашу весом 34 фунта и много других ценностей на общую сумму 30 миллионов рублей, огромную помощь в поимке преступников московским сыщикам оказал Иван Свитнев из Саратова, до февраля 1917 года служивший надзирателем саратовского сысканого отделения.

Как было установлено в ходе предварительного следствия, преступники проникли в ризницу через окно со стороны Царь-колокола. Никаких особенных зацепок, по которым можно было бы определить личность преступников, на месте преступления найдено не было. Перед совершенно не обученными сыщиками МУРа встала трудная задача: в хаосе тех лет найти и задержать преступников.

Первое, что сделали сыщики, – установили контроль за всеми рынками сбыта антиквариата в Москве. Судя по всему, преступники совершали ограбление с единственной целью – нажиться, поэтому они должны были попытаться продать похищенное как можно быстрее. К тому же они явно не придавали серьезного значения сыскным подразделениям новой власти, считая, что царским сыщикам равноценной замены все равно нет. На этом, собственно, они и проколо-

лись.

Первую партию украденных драгоценностей преступники решили продать в далеком от Москвы Саратове. Действовали они при этом не особенно осторожно – отдали золотые украшения двум перекупщикам и договорились, что ровно через три дня в ресторане «Товарищество» встретятся для получения денег. Однако перекупщики сразу попали в поле зрения местной милиции, которая почти в каждой гостинице или ресторане имела своих негласных агентов. Один из них и заметил 12 марта 1918 года мужчину и женщину, которые с рук предлагали людям купить у них драгоценности. Буквально через час после этого оба торговца были задержаны и доставлены к заместителю начальника саратовской милиции Ивану Свитневу.

Свитнев спросил у задержанных, откуда у них эти драгоценности. Те ответили, что получили их из рук некоего Самарина, которого до этого никогда не видели. Мол, наше дело маленькое, мы должны были только продать «камешки» и взять себе определенный процент со сделки. А львиную долю должны были через три дня передать Самарину.

Свитнев прекрасно понимал, что ждать три дня бессмысленно. Этот Самарин вполне мог узнать об аресте перекупщиков и скрыться из города. Однако как его найти, не имея почти никаких примет личности, кроме тех, что описали перекупщики? А их показания были весьма расплывчаты. И тогда на помощь Свитневу пришел его прошлый сыскной

опыт.

Он внезапно вспомнил, что года три назад в Саратов из Москвы приезжал известный вор Константин Полежаев, который купил себе часть дома № 6 на Рождественской улице и прописался там под фамилией Самарин. Может быть, это было обычным совпадением, однако Свитнев решил все-таки проверить. В тот же день с группой своих людей он приехал на Рождественскую улицу.

Никаких особенных улик против Самарина не было, однако Свитнев действовал решительно. Прямо с порога он заявил, что хозяин дома подозревается в торговле драгоценностями. Свитнев предложил ему добровольно выдать их милиции. Самарин ответил отказом. И тогда в его доме был произведен обыск, который привел к неожиданному результату.

Во время обыска было обнаружено несколько килограммов золотых украшений, драгоценности, изуродованные чаши и другая церковная утварь.

Как правильно понял Свитнев, все это было явно похищено из какого-то церковного хранилища. На первом же допросе он спросил об этом Полежаева-Самарина, и тот признался, что похитил эти вещи в Патриаршей ризнице в Москве. Причем он настаивал, что действовал один. Однако в этой настойчивости он явно переусердствовал, и Свитнев сразу заподозрил неладное. Но допросить задержанного во второй раз он так и не успел: той же ночью Полежаев-Самарин по-

весился в камере. И тогда Свитнев отправился в Москву.

Как выяснилось в Москве, ушедший в мир иной Константин Полежаев принадлежал к преступному клану семейства Полежаевых. Его отец и мать были скупщиками краденого, а три родных брата – профессиональными ворами. Одного из них, Александра, убили при попытке бегства из тюрьмы, однако остальные двое были живы-здоровы и, вполне вероятно, могли участвовать в ограблении ризницы.

В ходе дальнейших поисков выяснилось, что отец и мать Полежаевы давно уже в Москве не жили, а поселились в Богородской губернии. Один из их сыновей, старший, Алексей, в мае 1917 года был осужден и теперь отбывал срок в Омском исправдоме. Таким образом, совершить ограбление ризницы он не мог. Значит, следовало искать последнего брата Полежаева – Дмитрия. Однако поиски его растянулись на несколько месяцев. В ходе этого расследования выяснилось следующее.

С января 1918 года в дачном поселке Красково под Москвой проживал некто Виктор Попов, выдававший себя за коммерсанта. Вместе со своей любовницей он снял дом у местного жителя Жбанкова и весьма щедро с ним за это расплатился. Этим богатым коммерсантом и оказался разыскиваемый Дмитрий Полежаев.

Однако, когда сыщики нагрянули к нему в дом, его там не оказалось. Вместе со своей любовницей он отправился отдохнуть на юга – в Ялту. Сыщики не стали медлить и в тот же

день, произведя в доме и вокруг него тщательный обыск, нашли многие вещи из числа тех, что были похищены из Патриаршей ризницы.

Дмитрия Полежаева арестовали через несколько дней. Загоревший и отдохнувший, он сошел с электрички и прямо на платформе попал в руки оперативных работников МУРа. Так завершилось дело, в котором особую роль сыграл опытный сыщик с дореволюционным стажем Иван Свитнев.

Однако в большинстве случаев Советская власть относилась к старым специалистам с недоверием, а порой и откровенной враждебностью. Руководство НКВД в своих директивных документах подчеркивало, что на службе в уголовно-розыскных отделениях ни в коем случае не должны находиться лица, хотя бы незаменимые специалисты, работавшие в политическом сыске до Октябрьской революции. Такие люди, подчеркивалось в документах, должны быть немедленно уволены.

И все же, даже несмотря на столь грозные директивы, многие как губернские, так и центральные розыскные органы НКВД первое время шли на контакт со старыми спецами и активно привлекали их к работе. Примером была Москва. Здесь во главе угрозыска встал профессионал царского сыска К. Н. Маршалк, до 1917 года возглавлявший Московскую уголовную полицию. Правда, период сотрудничества с ним длился недолго. Вскоре К. Маршалк, чувствуя, что над ним сгущаются тучи, бежал в Финляндию, и его место занял про-

веренный большевик К. Розенталь. В результате раскрываемость преступлений в МУРе той поры составляла всего 15 процентов.

В Москве самой многочисленной бандой в 1917–1919 годах была банда Николая Михайловича Сафонова по кличке Сабан, у которого был немалый уголовный опыт, несколько судимостей, годы каторжных работ. За два года существования эта банда, в нее входили 34 человека, совершила несколько десятков вооруженных нападений, награбив денег и ценностей на сумму свыше 4,5 миллиона рублей.

Главаря банды нельзя было упрекнуть в отсутствии дерзости. Прослышав однажды, что его активно разыскивают сотрудники 27-го отделения милиции, Сабан явился в отделение и, выхватив бомбу, буквально разогнал всех сотрудников по углам.

Не останавливалась банда и перед убийствами. На Дмитровском шоссе она ограбила на 1,5 миллиона рублей семью фабриканта Иванова и перед уходом хладнокровно лишила жизни всех ее членов. Но самым громким преступлением этой банды стали убийства 24 января 1919 года 16 постовых милиционеров. Все они были уничтожены в самое короткое время из проезжающей машины в районах Долгоруковской улицы, Оружейного переуллка, Лесной улицы и Тверской заставы. Убийства совершались предельно просто и хладнокровно: налетчики подзывали постового к машине, справлялись у него, как проехать в какой-нибудь переулок, и в тот

момент, когда милиционер собирался ответить, производили в упор несколько выстрелов. Эти преступления породили среди москвичей слухи о неких «черных мстителях», убивающих исключительно милиционеров. Постовые тогда отказывались дежурить в одиночку, что вызвало соединение нескольких сторожевых единиц в пикете. На поиски бандитов были подняты лучшие силы московского угро. Но с первого раза Сабана взять не удалось: ранив одного сыщика, он сумел выскользнуть из расставленной для него ловушки.

После этого он отправился в Лебедянь Липецкой области, где во время ссоры зверски вырезал семью своей родной сестры, состоявшей из восьми человек. Там его и схватили. Жители города потребовали от властей казнить изувера прилюдно, что и было тотчас сделано. Однако, несмотря на гибель вожака, банда не распалась и, возглавляемая теперь бывшим каторжником Павлом Морозовым по кличке Паша Новодеревенский, продолжила свое кровавое ремесло. До весны 1920 года она совершила несколько десятков ограблений и убила более 30 человек. Так, в доме № 16 по Банном переулку и в доме № 14 близ Рогожской заставы бандиты вывели свои жертвы в сарай и зарубили всех топором. Было убито 10 человек. Чуть позже на платформе Соколовская Ярославской железной дороги они ограбили местную аптеку и изнасиловали жену аптекаря. Свидетели этого преступления смогли выбежать из аптеки и подняли шум. В ответ разъяренные налетчики явились на платформу и хладно-

ровно убили 10 человек, служащих железной дороги.

Уголовная секция МЧК и МУР буквально сбились с ног в поисках неуловимых налетчиков. И до весны 1920 года большинство членов этой банды были или переловлены, или уничтожены. Лишь Павел Морозов пока избегал всех ловушек. И кто знает, сколь долог был бы его преступный путь, если бы не случай: во время ссоры с рядовым членом банды Иваном Барабановым по кличке Вороной Морозов был убит.

Не менее известным преступником, чем Сабан и Морозов, являлся в те годы Яков Кузнецов по кличке Яшка Кошельков. Его банда насчитывала 18 человек и в 1918–1919 годах наводила страх на москвичей.

Отец Кошелькова был каторжником, осужденным за разбойные нападения, и умер в Сибири. Сам Яшка к 1917 году имел за плечами 10 судимостей. После нескольких удачных ограблений Кошелькова в октябре 1918 года схватили в городе Вязьме, и он готовился к самому худшему. Верные друзья не дали пропасть своему главарю. Когда Кошелькова этапировали в московскую чрезвычайку под конвоем трех человек, бандиты на Мясницкой вручили ему буханку хлеба, в которой был спрятан револьвер. Получив такой «хлебец», Кошельков через минуту убил двух конвоиров и скрылся.

19 января 1919 года Яков Кошельков мог бы изменить весь ход советской истории. В тот день ему попался сам Председатель Совнаркома Владимир Ульянов-Ленин. Случилось это на Сокольническом шоссе близ Краснохолмского

моста, когда Ленин ехал в своем автомобиле в одну из школ. Кошельков лично разоружил именитого пассажира (правда, не зная, кто это), отобрав у него документы. После этого он отпустил Ленина, его сестру Марию Ильиничну и водителя. Сам же с товарищами сел в их автомобиль и продолжил путь.

Однако, проехав несколько километров и узнав из отобранных документов, кого он отпустил, Кошельков спешно вернулся назад, но Ленина уже и след простыл.

Через три дня, 22 января 1919 года, зампредседателя ВЧК Яков Петерс собрал экстренное совещание представителей ВЧК, МЧК, Моссовета, уголовного розыска и ряда общественных организаций, на котором был выработан общий план борьбы с бандитизмом. После совещания борьба стала поистине беспощадной. В приказе Московского окружного комиссариата по военным делам говорилось следующее: «Всем военным властям и учреждениям народной милиции в пределах линии Московской окружной железной дороги расстреливать уличенных и захваченных на месте преступления виновных в грабежах и насилиях».

Спустя неделю в Москве была ликвидирована группа бандитов, принадлежащих к банде Кошелькова. Но сам главарь по-прежнему оставался недосыгаем для сыщиков.

Между тем в отличие от Сабана и Морозова Кошельков старался не убивать мирных граждан, в основном он вымещал злость на сотрудниках милиции и чекистах. Так, узнав однажды адрес особо активного в его поимке сотрудника

уголовной секции МЧК Ведерникова, Кошельков с сообщниками явился к тому на квартиру и застрелил на глазах родных и близких. 14 марта 1919 года он убил на Плющихе двух комиссаров МЧК. 1 мая на Воздвиженке такая же участь постигла троих милиционеров.

Небывалый размах бандитизма вынудил правительство бросить на борьбу с ним свои лучшие силы. 30 марта 1919 года наркомом внутренних дел РСФСР становится председатель ВЧК Феликс Дзержинский. По его рекомендации к руководству Московским уголовным розыском приходит бывший матрос с «Рюрика», а ныне чекист Александр Трепалов. Он проводит беспощадную чистку в угро, уволив из него сразу около 15 человек. Не чураясь черновой работы, сам участвует во многих операциях МУРа. Так, в 1918 году с двумя оперативниками отправляется в бандитское чрево Москвы – на Хитров рынок, чтобы лично взять местного «короля» бандитов Михаила Селезнева по кличке Ночной Король Хивы. Держал под своим контролем А. Трепалов и операцию по поимке Якова Кошелькова.

10 мая 1919 года в кофейной у Пречистенских ворот сотрудники уголовной секции МЧК «сели на хвост» Кошелькову и его сообщникам Мартазину, Хохлову и Иванову. В завязавшейся перестрелке Хохлов был убит, Иванов задержан, но Кошельков с Мартазиным скрылись на лихаче.

Через девять дней ситуация повторилась. В Конюшковском переулке была накрыта кошельковская «блатхата». В

перестрелке трое бандитов были убиты, а Кошельков все с тем же Мартазиным, выбив оконную раму, скрылись. Через три недели после этого, как бы в отместку за свои рискованные прыжки, Кошельков со товарищи совершил вооруженный налет на контору Афинерного завода на Донской улице, сорвав куш в 3,5 фунта золота и 4 фунта платины. Но погулять на это золотишко Кошелькову уже не довелось. 21 июня 1919 года московские сыщики из угро и МЧК через своих осведомителей узнали о новой явке Кошелькова в доме № 8 по Старому Божедомскому переулку. Операцию по поимке опасного бандита возглавил лично начальник МУРа А.Трепалов. В пять часов вечера Кошельков и его товарищ Емельянов по кличке Барин попались в ловко расставленные сети. Но, услышав команду «Руки вверх», бандиты сдаваться не стали, а применили оружие. В завязавшейся перестрелке Барин был убит наповал, а Кошельков тяжело ранен. Его смерть наступила через 18 часов утром 22 июня 1919 года.

Это была одна из самых успешных операций тогдашнего МУРа, который вел негласную борьбу за свой авторитет с уголовной секцией МЧК. Чекисты уже тогда были поставлены на ступень выше, чем сотрудники милиции, и даже продуктовые пайки, в которых у чекистов присутствовали редкие по тем временам масло и сахар, зримо подчеркивали это.

Несмотря на то что волну бандитизма в Москве удалось несколько сбить, в 1920 году при МУРе появилась специальная бригада из 15 человек, которая занималась исключи-

тельно бандитскими группировками. В нее вошли проверенные бойцы сысского дела: Н.Осипов, Г. Иванов. И. Кириллович, А. Ефимов, Н. Ножницкий, И. Клебанов, И. Родионов, М. Марзанов, А. Бухрадзе, Д. Кипиани, Я. Саксаганский, Н. Безруков и др.

В 1920 году количество вооруженных грабежей по сравнению с 1919 годом в Москве сократилось в 3 раза, а невооруженных ограблений – в 9 раз. Число убийств уменьшилось на одну треть. К 1921 году было ликвидировано значительное количество банд, терроризировавших город более трех лет. Одно перечисление их заняло бы у нас не одну страницу. Поэтому ограничимся лишь кратким списком самых известных и крупных банд.

Банда Ивана Гусева по кличке Гусек насчитывала в своих рядах 13 человек и действовала в районе Петровского парка и Бутырской заставы. Ликвидирована в конце 1919 года.

Банда Федора Прокофьева по кличке Графчик действовала в районе Екатерининского парка и Пименовской улицы. Ликвидирована весной 1920 года. Банда Ивана Савостьянова по кличке Краснощеков насчитывала 41 человека и действовала по всей Москве. Ликвидирована в конце 1919 года.

Банда Николая Константинова по кличке Хрящик насчитывала 10 человек и действовала на Дмитровском шоссе, за Бутырской заставой, в селах Останкино и Свиблово. Ликвидирована в конце 1919 года.

Банда Ивана Румянцева по кличке Матрос насчитывала

20 человек и действовала в том же районе, что и банда Хрящика, но спустя полгода после ее ликвидации. Уничтожена в середине 1920 года.

Банда Бориса Бондарева по кличке Бондарь в количестве 10 человек действовала в районе Марьиной рощи и Неглинного проезда. Ликвидирована в конце 1920 года.

Банда латышей, насчитывавшая 13 человек во главе с Александром Соло по кличке Донатыч, действовала в центре Москвы до лета 1920 года.

В октябре 1920 года в Москве объявилась «банда шоферов». Она состояла из 20 человек, а название свое получила из-за того, что, как оказалось, почти все ее участники были шоферами и служили в различных советских учреждениях. Главарями банды были шофер гаража Реввоенсовета Республики Владимир Иванов и шофер гаража ГВИУ Павел Голышев. Так как бандиты принадлежали к шоферской профессии, большинство своих преступлений они совершили «на колесах». Так, в октябре 1920 года в Третьяковском проезде восемь членов банды напали на автомобиль Народного банка и, убив конвоира, похитили 287 миллионов рублей.

Несколько позднее члены этой же банды, разъезжая по улицам Москвы на автомобиле, выбирали красивых женщин и под видом ареста увозили их за Дорогомиловскую заставу, где, угрожая оружием, насиловали. Таких случаев за несколько дней набралось четыре.

В 1920 году в МУРе было 6 территориальных, районных отделений. Седьмое носило название губернского и занималось преступлениями, совершенными в области. Восьмое отделение именовалось железнодорожным. Кроме того, в состав МУРа входили: отряд по борьбе с карманными кражами, стол приводов, питомник служебного собаководства, тюрьма и телеграф.

В начале 20-х в Москве началось изучение причин преступности, буквально захлестнувшей столицу. В 1922 году Административный отдел Моссовета привлек к этой работе группу ученых. Результаты своего исследования они изложили в сборнике «Преступный мир Москвы». Это был первый научный труд при Советской власти, обобщивший не только состояние преступности в столице, но и практику работы правоохранительных органов.

Еще через год при МУРе был создан научный кабинет по изучению преступности и преступника, который стал первым научным учреждением в системе органов внутренних дел.

После того как в конце 1921 года по бандитствующим элементам в Москве был нанесен существенный удар, большинство из них решили сменить место своей дислокации и перебрались в Северную Пальмиру – Петроград. С этого момента волна преступности перекинулась в город на Неве.

Надо отметить, что и до этого Петроград не уступал Москве по части чрезвычайной криминогенности, и банди-

ты Питера ничем не уступали своим московским коллегам. Были и там свои знаменитости. Один из таких – Иван Белов по кличке Ванька Белка, банда которого в течение двух лет орудовала в петроградских пригородах. Их зверства по отношению к чекистам и милиционерам не знали себе равных. К примеру, попавшийся в их руки инспектор уголовного розыска Александр Скальберг принял поистине мученическую смерть: его четвертовали.

Всего же к весне 1921 года на совести банды Белки было уже 27 убийств, 18 раненых и больше 200 краж, разбоев и грабежей.

Эту банду выследили с помощью внедренного в преступную среду агента ленинградского угро Ивана Бодунова (это именно ему писатель Юрий Герман посвятил свою повесть «Наш друг Иван Бодунов», а его сын А. Герман затем снял фильм «Мой друг Иван Лапшин»). В течение нескольких месяцев Бодунов вращался в бандитской среде, пока осенью 1921 года не установил точный адрес «блатхаты» Белова – Лиговский проспект, 102. Туда и нагрянули затем чекисты и сыщики угро. В том бою бандитов практически не жалели. В результате на месте были убиты сам Иван Белов, его супруга и около десяти членов банды. Однако конец одной банды не мог снять проблему бандитизма в Петрограде в целом.

После того как в конце 1921 года волна бандитизма вновь захлестнула Петроград, Москва срочно выслала туда подмогу: в город выехала уголовная секция МЧК. В результате это-

го за первые четыре месяца 1922 года в городе было ликвидировано 5 вооруженных банд численностью до 150 человек, из которых 63 были расстреляны.

Особенные хлопоты петроградским сыщикам доставлял, несомненно, самый знаменитый налетчик того времени Леонид Пантелкин по кличке Ленька Пантелеев. В отличие от налетчиков-любителей, которых в те годы развелось в достаточном количестве, Пантелеев был налетчиком-профессионалом, наделенным недюжинным организаторским талантом. В его банде насчитывалось около десятка человек, действовала строгая дисциплина и тщательная конспирация. Немалую помощь в этом оказывало Пантелееву то, что был он до недавнего времени не кем-нибудь, а сотрудником ГПУ.

Приобщение Пантелеева к бандитскому ремеслу произошло при весьма необычных обстоятельствах. Мы уже упоминали о том, что до 1921 года он работал рядовым сотрудником ГПУ. Однако в один злополучный для Пантелеева день, когда он с другом решил посетить, любопытства ради, один из ленинградских притонов, там произошла чекистская облава. В числе многих задержанных оказался и Пантелеев. Узнав об этом, начальство тут же приняло в отношении его карательные меры, и Пантелеева в одночасье уволили из органов. Это было настоящим ударом для 23-летнего юноши. С таким клеймом уволенный из органов за дискредитацию звания не мог найти работу – его теперь никто не решался оформить к себе на постоянную должность. Для Панте-

леева потянулись мучительные месяцы ожидания на ленинградской бирже труда. Однако дни тянулись, работу ему так и не предлагали. Зато нашлись на бирже труда друзья – такие же, как и он, молодые люди, выброшенные судьбой на обочину жизни. Среди них был и Дмитрий Гавриков, ставший для Пантелеева чуть ли не родным братом. Вместе с ним и двумя другими сообщниками Пантелеев и пошел на свое первое ограбление. Случилось это 4 марта 1922 года, и первой жертвой этой банды стал богатый ленинградский меховщик Богачев. Ограбление прошло настолько гладко, что Пантелеев со товарищи решил не останавливаться на достигнутом. Ровно через две недели после первого преступления, 18 марта, они «грабанули» квартиру доктора Грилихеса. И вновь это сошло им с рук. После этого длинная череда дерзких ограблений, совершаемых бандой Пантелеева, буквально потрясла Петроград. Причем потрясенными и обезумевшими от страха оказались новые советские буржуа, нэпманы, а простой люд был буквально в восторге от дерзости и лихости «потрошителя богатых», эдакого Робин Гуда советской поры – Ленки Пантелеева.

Отметим, что, в отличие от многих иных налетчиков той поры, Пантелеев никогда не скрывал своего настоящего имени и при каждом налете оповещал свои жертвы о том, кто их ограбил. Это был его своеобразный вызов бывшим коллегам по ГПУ, которые буквально сбивались с ног в поисках неуловимого Ленки и его друзей.

Выгодно отличался Ленька от своих коллег-налетчиков и тем, что был довольно скромен и непритязателен в быту. Он не пил и любил всего лишь одну женщину, бухгалтершу, с которой судьба свела его еще в пору работы в ГПУ. Она знала о новой «работе» своего возлюбленного, сильно переживала за него, но он никогда не давал повода чекистам уличить ее в пособничестве.

В августе 1922 года Пантелеев совершил два вооруженных налета прямо на улице, среди бела дня. Во время одного из них он убил человека – первого на своем веку. Им оказался милиционер Борзов. Дело обстояло так. Ситуация складывалась для Пантелеева и Гаврикова неудачно. Завязалась перестрелка между налетчиками и сыщиками, в результате которой Гавриков был ранен в руку. Спасаясь от погони, друзья забежали в одну из аптек, чтобы на ходу перевязать рану. Один из сыщиков, случайно оказавшийся на дороге у бандитов, заметил, куда они зашли. Не теряя времени, он бросился в ближайшее отделение милиции. Вскоре к аптеке подъехала машина с шестью вооруженными милиционерами. Когда они ворвались в аптеку, Гаврикову еще перевязывали рану, а Пантелеев сидел на лавке с револьвером в руке. Увидев, кого принесла нелегкая, Ленька не раздумывая пустил в дело оружие и убил первого же вбежавшего в помещение милиционера. Остальные на несколько секунд опешили, и этого времени Пантелееву и Гаврикову вполне хватило на то, чтобы, выбив оконную раму, выскочить на улицу. Поймать их

после этого так и не удалось.

После этого убийства Пантелеев буквально обезумел. Первая кровь развязала ему руки. Когда однажды на улице его опознал один из милиционеров и попытался самолично задержать, Ленька вырвался из рук стража порядка и, недолго думая, застрелил его. Следом за милиционером он убил ни в чем не повинную старушку, возвращавшуюся с базара, а также шофера, который увез его под дулом пистолета с места происшествия.

И все же, несмотря на все ухищрения, к осени 1922 года кольцо вокруг него сжималось все сильнее и сильнее. В сентябре на одной из «блатхат» чекистам наконец удалось задержать Пантелеева, а вместе с ним и Гаврикова, Лысенкова и Рейнтонна. Одного милиционера во время ареста Пантелеев все-таки убил. Арестованных поместили в «Кресты» под надежную охрану. Советская судебная машина начала готовиться к шумному процессу над знаменитым бандитом. Однако фортуна не изменила налетчику даже в тюрьме. В ней нашелся человек, готовый за хорошее вознаграждение (золото, бриллианты и помощь в устройстве его побега за границу) вызволить Пантелеева и его друзей из тюрьмы. Этим человеком оказался заместитель начальника тюрьмы. Получив обещанные драгоценности, он тут же подписал бумаги об освобождении бандитов. Так в ночь на 11 ноября 1922 года Ленька Пантелеев со товарищи оказался на свободе.

Между тем в отличие от Пантелеева тюремному началь-

нику повезло гораздо меньше. Бандиты «кинули» его и так и не помогли переправиться за границу. Тогда он предпринял эту попытку сам, но был схвачен и через месяц расстрелян по приговору военного трибунала.

А Пантелеев тем временем, очутившись на свободе, вновь окунулся с головой в кровавую вакханалию налетов и грабежей. Уголовный розыск и ГПУ опять сбивались с ног, выискивая по «блатхатам» удачливого авантюриста. Неоднократно сыщики сталкивались с Пантелеевым нос к носу, один раз даже ранили его в руку, но поймать так и не могли. А Пантелеев, как будто пьянея от азарта этой охоты на него, входил в еще больший раж и исступление. За январь 1923 года он совершил 10 убийств, около 20 уличных грабежей и 15 вооруженных налетов. И во всех случаях пускал в ход свой револьвер не раздумывая.

Однажды, придя в один из притонов, где на него была устроена засада, он почуял неладное уже на пороге. Не давая времени никому опомниться, он выхватил пистолет и тут же убил хозяйку притона, оперативника, ранил второго и, выскочив во двор, по пути убил дворника, подметавшего улицу.

Зная о том, что Пантелеев «трясет» поздних лихачей, чекисты решили устроить ему здесь засаду. Двое вооруженных оперативников, одна из них была женщина, сели в пролетку и помчались по вечерним улицам Питера. Однако здесь Пантелеев оказался хитрее своих преследователей. Его реакция оказалась быстрее, и оба оперативника оказались убитыми

наповал.

Но вечно так продолжаться, конечно, не могло. Конец должен был наступить, и он наступил. 12 февраля 1923 года Пантелеев и Гавриков уверенно шли на одну из надежных своих «блатхат» на Можайской улице. Между тем на ней уже давно дежурила чекистская засада. И как только бандиты переступили порог квартиры, из комнаты ударил дружный залп, и Пантелеев с Гавриковым рухнули на дощатый пол.

Случилось это ночью, а уже вечером 13 февраля в газете «Красная звезда» было помещено срочное сообщение под заголовком: «Арест Леньки Пантелеева». В нем сообщалось: «В ночь с 12 на 13 февраля ударной группой по борьбе с бандитизмом при Петроградском губернском отделе Г.П.У. с участием Уголовного розыска после долгих поисков пойман известный бандит, прославившийся за последнее время своими зверскими убийствами и налетами Леонид Пантелкин, по кличке Ленька Пантелеев. При аресте Ленька оказал отчаянное вооруженное сопротивление, во время которого был УБИТ.

Вместе с Пантелеевым задержан и другой бандит, Мишка Корявый, который во время сопротивления ранен в шею. Задержаны также соучастник Пантелеева известный громила-взломщик Сашка Пан и целый ряд соучастников и укрывателей...»

Но даже после этого сообщения власти, зная о тех леген-

дах, которые ходили в городе вокруг неуловимого Пантелеева, сознавали, что окончательно развеять всякие домыслы о живучести этого бандита может только показательная акция. Поэтому и был разрешен общественности доступ в морг, где в течение нескольких дней лежал труп Пантелеева.

Между тем с введением в стране нэпа ситуация вновь начала меняться, причем отнюдь не в лучшую сторону. Расслоение общества, появление целой прослойки новых советских буржуа не могло не сказаться на росте преступности. В Москве в структуре МУРа вновь была воссоздана бригада по борьбе с бандитизмом. И хотя ситуация 1918–1920 годов повториться уже не могла, но обстановка в стране заметно усложнилась. В Москве того времени самыми известными бандитами стали Мишка Курносов и Гаврилов по кличке Землянчик, банда которого грабила кооперативы и магазины в столице и Твери.

В Питере самым громким преступлением 1923 года было вооруженное ограбление Кожевенного синдиката. Тогда государственные учреждения не сдавали ежедневно деньги в банки, поэтому в их кассах хранились немалые суммы. Вот и из кассы Кожевенного синдиката преступники в тот день похитили 96 тысяч рублей. Фабула преступления была такова.

Средь бела дня к зданию синдиката подкатили три пролетки, из которых выскочили семеро вооруженных пистолетами людей. Один из них, не раздумывая, для большего эффекта швырнул в витрину синдиката гранату. Раздался оглу-

шительный взрыв, и стеклянная витрина разбилась вдребезги. После этого налетчики ворвались в помещение и под дулами пистолетов заставили всех служащих, а их было сорок человек, лечь на пол. При этом все грабители стреляли в потолок и ругались.

Забрав из кассы три мешка денег, налетчики еще немного постреляли, после чего выбежали на улицу и, сев все в те же пролетки, умчались прочь.

Следствие по этому делу шло несколько месяцев. У сыщиков не было ни одной серьезной зацепки, по которой можно было выйти на грабителей. И кто знает, когда бы возмездие свершилось, если бы не случай. Однажды кассир ограбленного синдиката зашел отдохнуть в ресторан «Квисисана», за одним из столиков он опознал в мужчине главаря налетчиков и тут же позвонил в милицию. Главаря взяли через несколько минут в том же ресторане. После этого задержали и остальных шестерых соучастников.

Как выяснилось в ходе следствия, главарем оказался некто Сизов. Он упорно настаивал на политических мотивах ограбления, выдавал себя за члена партии эсеров. Говорил, будто эти средства нужны были для партийных нужд. Однако, как оказалось, все деньги у него пошли на развлечения. Причем сыщиков поразил тот факт, что из 96 тысяч рублей Сизову досталось целых 70. Остальные грабители довольствовались двумя тысячами на брата (по две тысячи рублей получили и извозчики, нанятые налетчиками).

Между тем после убийства Леньки Пантелеева в феврале 1923 года бандитизм в Питере постепенно сходил на нет. Последней крупной вооруженной преступной группировкой в городе была банда Жорки Александрова, за которой числилось 39 крупных ограблений ювелирных магазинов, банков, ломбардов. Начиная свою бандитскую карьеру еще до революции, Александров сумел по-настоящему развернуться только во времена нэпа. Когда его поймали, весь Ленинград следил за судебным процессом над ним и его сообщниками. Их всех приговорили к расстрелу и лишь самого юного участника банды, который обычно во время налетов стоял на стреме, решили помиловать и дали ему несколько лет тюрьмы.

Между тем самой безжалостной бандой начала 20-х годов была банда Василия Котова. Ее главарь родился в 1884 году в деревне Суходол Вяземского уезда Смоленской губернии, в неблагополучной семье. Его отец и трое братьев регулярно нарушали закон и неоднократно попадали за решетку. Во время одной из таких отсидок отец скончался, и воспитанием младшего, Василия, занялись старшие братья. В результате уже в 12 лет тот попался на краже и угодил в исправдом. С этого момента из тюрем Василий практически не выходил.

В 1918 году он был отпущен на свободу новой властью как «жертва царского режима» и принялся за разграбление помещичьих усадеб. Его ближайшим сообщником в этом деле был уроженец Белгородского уезда Курской губернии Гри-

горий Морозов, который еще в 1903 году обагрил свои руки кровью полицейского. Именно под влиянием этого человека банда Котова и стала совершать массовые убийства ни в чем не повинных людей.

Одно из первых подобного рода преступлений бандиты совершили в Курске – на родине главаря. Случилось это в Казанской слободе в ноябре 1920 года. Под покровом ночи бандиты подошли к одному из домов и постучались и дверь. В качестве приманки выступила 20-летняя любовница Котова, дочь служащего железнодорожного депо на станции Курск Серафима Винокурова. Сообщив разбуженным хозяевам, что она оказалась жертвой ограбления, Винокурова попросила пустить ее на ночлег. И сердобольные хозяева дома по фамилии Лукьяновы открыли ей дверь.

Ворвавшиеся в дом бандиты не пожалели никого и после ограбления убили топором (излюбленное орудие Морозова) всех пятерых. Над детьми «смилоствовали» и завязали им тряпками глаза, чтобы те не видели ни смерть родителей, ни свою собственную.

После этого жестокого преступления бандитов уже ничто не сдерживало. В январе 1921 года они ворвались в дом все в том же Курске, на этот раз в Стрелецкой слободе, и застали там сразу 16 человек. Дом принадлежал одному китайцу, и к тому в тот вечер на огонек зашли его соплеменники. Однако даже такое количество людей не испугало преступников. Они связали их всех по рукам и ногам, а затем хладнокровно

раскроили им черепа с помощью все того же топора.

Прошел всего лишь месяц после этого зверства, и преступники вновь, прогуляв награбленное, вышли на охоту. В том же Курске на Хуторской улице они ограбили и убили семью из шести человек. Таким образом, всего лишь за три месяца банда Котова отправила на тот свет 27 человек.

Курский уголовный розыск был абсолютно беспомощен в деле поимки жестоких убийц, что вполне объяснимо. В те годы провинциальные службы российского угро практически не имели у себя ни профессиональных сыщиков, ни каких-либо технических средств. Поэтому банда Котова абсолютно безнаказанно творила свои зверства во многих регионах России. Так, летом и осенью 1921 года они убили две семьи по пять человек каждая в деревне Видное Гжатского уезда и близ станции Уваровка (все в Смоленской губернии). Возле станции Батюшково они уничтожили шестерых хуторян Яковлевых, после чего отправились в Калужскую губернию и в Боровском уезде зарубили сразу 16 человек из семей хуторянина Лазарева и его работника. Затем бандиты вновь вернулись в пределы Курской губернии и за пару месяцев убили еще 27 человек.

В конце 1921 года бандиты наведались и в Подмосковье, а именно – в Бородинскую область Можайского уезда. Действовали по хорошо отработанному сценарию: Винокурова стучалась в дверь, а Котов и Морозов врываются в дом. В тот раз ими были убиты пятеро членов семьи Соловьевых.

В январе 1922 года бандиты вновь объявились в Гжатском уезде, где убили всю семью Мешалкиных. Счет их жертв уже приближался к сотне, а конца кровавым злодеяниям видно пока не было. Но тут преступники, видимо, окончательно уверовавшие в свою безнаказанность, совершили просчет. В конце января 1922 года они впервые «наследили» в Москве: на Поклонной горе зарубили семью Морозовых из 6 человек. Несмотря на то что, уходя, бандиты подожгли разграбленный дом, сыщики из МУРа сумели установить приблизительную картину преступления. Однако ни один из местных преступников, известных МУРу, под этот почерк не подпадал. Стало ясно, что это дело рук заезжих гастролеров. И в это время в Москве произошло еще одно подобное преступление.

В доме № 53 по Нижне-Красносельской улице были убиты ударами топора по голове трое членов семьи Малица и мужчина, снимавший у них одну из комнат. И на этот раз, уходя с места преступления, преступники попытались поджечь квартиру.

Сыщики МУРа подняли на ноги всю свою агентуру в уголовной среде, однако личность хотя бы одного из членов жестокой банды установить так и не удалось. К тому же молчали региональные отделения угро, на территории которых произошли подобного рода преступления. Поэтому оставалось только ждать, что рано или поздно, но преступники совершат роковую для себя ошибку.

Тем временем в мае 1922 года банда Котова вновь объ-

явилась в Гжатском уезде Смоленской губернии – на этот раз жертвой преступления стал всего один человек – 50-летняя хуторянка Федотова. Перед тем как ее убить, Морозов изнасиловал несчастную. В отличие от Котова, который всегда имел под рукой любовницу Винокурову, Морозов был один как перст, поэтому никогда не упускал возможности изнасиловать кого-нибудь из жертв. Причем ее возраст не играл для него абсолютно никакой роли.

Между тем после убийств в Москве столичные сыщики отправили во все региональные отделения угро запросы о том, чтобы в столицу сообщались все случаи подобного рода убийств. И первыми такое сообщение отправили гжатские сыщики. Однако, пока это сообщение шло в Москву, бандиты совершили очередное зверство – на этот раз возле подмосковной станции Паликово в Верейском уезде. Причем на этот раз они действовали несколько иначе, чем в других случаях.

Представившись хозяевам дома сотрудниками местной милиции, они сообщили, что намерены произвести в их доме обыск. После этого, потрясая перед ошеломленными хуторянами револьверами, преступники связали всем восьмерым руки за спиной и отвели в дом. В это время во двор вошли трое молодых людей, которые возвращались с охоты и случайно оказались в этих местах. Этим людей бандиты тоже арестовали и присоединили к хуторянам.

После того как все ценные вещи были вынесены из дома и

погружены на телеги, Морозов вновь взялся за топор. Однако на этот раз бдительность ему изменила. На полу дома лежали одиннадцать человек, и, когда Морозов ударом топора убил первого из них, главу семейства, остальные жертвы, крича и плача, стали расплзаться в разные стороны. Морозов бросился за ними и стал на ходу убивать их одного за другим. Однако в пылу погони он не заметил, как одна из жертв, 16-летняя дочь владельца дома по имени Христина, сумела закатиться под кровать, а там заползла под стойки, на которых была сложена печь. Это и спасло ей жизнь. Таким образом, впервые за полтора года своей деятельности банда Котова оставила в живых свидетеля своих преступлений.

Чудом уцелевшая девушка сумела весьма подробно описать всех преступников, среди которых оказалось трое мужчин и одна молодая женщина. Сыщики МУРа бросились наводить справки об этих людях, пытаясь отыскать их имена в списках преступников, известных еще с царских времен. Но, пока наводились справки, банда Котова кровавым смерчем пронеслась по Подмосковию, успев за три недели убить 32 человека в Воскресенском и Наро-Фоминском уездах. В последнем они убили семью из 13 человек, большую часть которых составляли дети. После этих убийств во всех уездах прошли массовые выступления крестьян, которые требовали от местной власти немедленной поимки извергов. Власти в свою очередь обратились за помощью в Москву.

К тому времени в МУРе уже скопилась достаточная база

данных о деяниях этой банды. Но так как преступники предпочитали действовать во многих областях, было решено отправить в ряд из них опытнейших сыщиков. Так, в Гжатский уезд был откомандирован агент МУРа Э. Степанов. Именно ему и удалось с помощью местных жителей установить дом, в котором бандиты оставили часть награбленного в семье Яковлевых. Владельцем этого дома оказался 19-летний Иван Крылов. После нескольких изнурительных допросов нервы парня не выдержали, и он сознался в том, что несколько раз участвовал с разыскиваемыми преступниками в грабежах и убийствах. Назвал он и их имена – Василий Смирнов и Иван Иванов. Причем внешний облик этих людей абсолютно точно сходился с описанием Христины.

Получив искомые имена, сыщики МУРа просмотрели всю свою, а также общероссийскую картотеку, но даже упоминания об этих людях не нашли. Тут пришла догадка, что бандиты могли умело маскироваться под вымышленными именами. Напасть на их след можно было, только подключив к этому делу всю общесоюзную агентуру. Что и было сделано.

В ноябре 1922 года из-под Киева пришло сообщение: мужчина и женщина, похожие по описаниям на разыскиваемых, находятся здесь. Получив это сообщение, в МУРе удивились: почему только двое, ведь в банде был твердый костяк – три человека? Однако в Москве еще не знали, что одного участника банды, Григория Морозова, к тому времени уже не было в живых: 23 сентября в лесу под подмосковной Ап-

релевкой Котов лично пристрелил из револьвера своего соратника. Видимо, опасения относительно того, что рано или поздно садист Морозов доберется и до него, подвигли Котова первым взяться за оружие. Но спасти Котова от заслуженного возмездия это все равно уже не могло. Через полтора месяца после этого выстрела его и его любовницу сыщики МУРа все-таки схватили в городке Нежин Черниговской губернии.

Суд над Котовым, Винокуровой и Крыловым состоялся в 1923 году в московском Ревтрибунале. Несмотря на то что все они в один голос утверждали, что основным убийцей 116 человек был покойный Морозов, избежать высшей меры наказания им так и не удалось. В те годы революционное правосудие карало подобного рода преступников безжалостно.

В те же самые дни, когда в Москве решалась судьба Василия Котова и его подельников, в Сибири зверствовал еще один массовый душегуб – Михаил Осипов по кличке Культияпый.

Многих извергов знавала до этого земля российская, однако этот был особенным. Убивать людей доставляло ему истинное удовольствие, и он всегда делал это сам, не доверяя никому из своих подельников. Причем он не жалел никого: ни детей, ни женщин, ни стариков. Убивал целыми семьями, даже домашних животных не оставлял в живых. После злодеяний всегда оставлял свою «визитную карточку»: разложенные веером трупы на полу. Именно эта примета и на-

вела сибирских сыщиков на мысль о том, что убийца – явно профессионал. Стали копаться в царских архивах и вскоре установили, что веером трупы раскладывал только один человек – Михаил Осипов, уроженец Пермской области. В деле была найдена даже его фотография, с которой на людей смотрел обаятельный молодой человек интеллигентной наружности. У него и кличка в преступной среде была именно такая – Интеллигент. Кутьяпым он стал несколько позднее.

Поймали же этого изверга с интеллигентной наружностью, на счету которого было более сотни загубленных человеческих жизней, можно сказать, случайно. В Уфе Осипов с подельниками совершили налет на комиссионный магазин прямо в центре города. Всех людей, находившихся там, бандиты связали и, как и положено, уложили веером на полу. Но в этот момент в магазин вошел местный священник отец Георгий. В свое время он занимался французской борьбой, и теперь прошлое увлечение ему весьма пригодилось. Сбив с ног сразу нескольких бандитов, он выскочил на улицу и поднял такой шум, что к месту происшествия сбежались все окрестные милиционеры. Осипов сдался, надеясь на то, что ему удастся прикрыться чужим именем. Однако его подвел «веер», про который сыщики уже знали. В 1924 году Михаила Осипова и его ближайших сподвижников расстреляли.

Тем временем нэп «развращал» не только бандитов. В те времена резко вверх пошла кривая взяточничества в рядах самой милиции. Кое-кого нэпманы покупали буквально «с

потрохами». Во многих отделениях милиции к задержанным применялось насилие. В этом отношении весьма показательен случай, происшедший тогда в Москве с самим членом Центральной контрольной комиссии партии, членом Верховного суда СССР Ароном Сольцем. Однажды он ехал в трамвае без билета. Его поймали контролеры, он полез в карман за документами, но оказалось, что Сольц их оставил дома. Попытался объяснить это контролерам, однако они были неумолимы и с шумом препроводили его в ближайшее отделение милиции.

Очутившись там, Сольц искренне надеялся, что уж тут все окончательно прояснится, перед ним извинятся и отпустят. Однако действительность оказалась куда ужасней, чем предполагал видный член партии. Когда он попытался объяснить милиционерам, кто он такой, те в ответ грубо оборвали его, обозвали «жидом» и, применяя рукоприкладство, затащили в кутузку. Там Арон Сольц провел несколько мучительных часов, деля крышу с настоящими преступниками.

Когда вскоре ситуация с личностью Сольца прояснилась и его выпустили с извинениями на свободу, он первым делом пошел к Феликсу Дзержинскому, грозному председателю ВЧК. Тот выслушал рассказ своего товарища по партии и, не теряя ни секунды, взяв с собой с десятков чекистов, лично отправился в злополучное отделение. Явившись туда, Дзержинский арестовал начальника, весь штат милиционеров уволил, а само помещение приказал заколотить досками

до лучших времен.

Однако отметим, что подобный случай был всего лишь редким исключением. Москва тем временем жила по-нэпмановски. В ней чуть ли не в открытую работали публичные дома. Самыми известными были два: «Мадам Люсьен» на Рождественском бульваре и «Генеральша» в Благовещенском переулке. Буквально второе дыхание обрели в нэпмановской Москве воры, всевозможные мошенники и грабители. Во многих руках начало «говорить» оставшееся с гражданской войны оружие.

В 1925 году трое вооруженных мужчин ворвались в кассу типографии «Искра революции» и захватили все деньги. Но их отъезд с места преступления видели местные мальчишки. Они и описали муровцам автомобиль преступников. Им оказался редкий по тем временам автомобиль «ганза». Найти его в одном из гаражей на Большой Якиманке было уже делом техники.

С приобщением России к европейским благам увеличилось и число таких преступлений, как грабежи музеев. В конце 20-х самыми известными были два таких ограбления.

Первое произошло 22 апреля 1927 года в Москве. В ночь на Пасху из Музея изящных искусств им. А. С. Пушкина были похищены пять картин, представлявших огромную художественную ценность: «Бичевание Христа» Дж. Пизано, «Христос» Рембрандта, «Се человек» Тициана, «Святое семейство» Корреджо и «Иоанн Богослов» Дольчи.

Прибывшие по вызову музейных работников сыщики МУРа установили, что преступник действовал весьма умело и нагло. Проникнув на галерею музея, он дождался момента, когда зазвенели колокола пасхального благовеста, и обыкновенным булыжником разбил стекло в одном из окон. Так как в те годы никакой охраны в музее не было (и это при том, что еще в 1923 году из его Египетского зала было похищено 238 золотых предметов!), злоумышленник действовал безо всякой боязни быть обнаруженным. Открыв окно, он проник внутрь музея и вскоре оказался в демонстрационном зале. Там он достал нож и с его помощью вырезал из рам все пять картин. После этого он покинул музей тем же путем, каким туда пришел.

Никаких существенных следов преступник на месте преступления не оставил. Единственное, что удалось обнаружить сыщикам, – записка, которую грабитель прикрепил за раму одной из похищенных картин. На листке бумаги было начертано: «Христос мертв, быть смертию жизнь оживися». Кто-то из сыщиков по этой записке определил, что к краже вполне могут быть причастны служители церкви. Однако эта версия просуществовала недолго.

В августе 1927 года в МУРе внезапно появился коммерсант из Италии, который принес с собой... одну из похищенных картин – «Бичевание Христа». Когда его спросили, откуда у него эта картина, коммерсант поведал сыщикам такую историю:

Утром в гостиницу «Метрополь», где он снимал номер, явился посыльный, который вручил ему небольшую посылку. В ней оказалась та самая картина и письмо, в котором неизвестный отправитель сообщал, что он согласен за небольшую, чисто символическую плату отдать этот шедевр коммерсанту, чтобы тот увез картину на ее истинную родину – в Италию. Однако искушенный в подобного рода делах коммерсант не стал рисковать своей репутацией и поспешил заявить об этом советским властям. Так сыщикам стало понятно, что картины попали в руки непрофессионала, и тот явно не знает, как от них избавиться. Однако напасть на его след не удавалось вплоть до 1930 года.

Грабитель навел на себя сыщиков сам. Был он весьма азартным игроком на бегах и сутками не вылезал с ипподрома. В большинстве случаев ему везло, однако в один из дней 1930 года он проигрался, что называется, в пух. И тогда он попросил одного своего знакомого дать ему денег в долг, а в качестве залога предложил ему... бесценную картину. Об этом предложении тогда же стало известно многим обитателям ипподрома, в том числе и негласному агенту МУРа. Тот, естественно, и доложил куда следует. В тот же день грабитель был арестован.

Как выяснилось, этим человеком оказался некто Федорович, который в свое время входил в банду петроградских «потрошителей музеев» во главе со Шварцем. Они давно планировали ограбить Музей изящных искусств, однако в

1926 году большую часть банды переловили сыщики, и Федорович вынужден был пойти на дело в одиночку. Все похищенные картины он сложил в небольшой чемоданчик и некоторое время хранил в камере хранения нескольких московских вокзалов. Но после того как закончилась провалом затея с итальянским коммерсантом, Федорович решил спрятать оставшиеся у него картины подальше и поглубже. Засунул их в жестяные банки и зарыл в землю в двух местах: в Покровском-Стрешневе и в двух километрах от деревни Ягличево Малинского (ныне Ступинского) района Подмосковья. Это захоронение затем дорого обошлось шедеврам: три картины были сильно повреждены и лишь «Христос» Рембрандта почти не пострадал. В 1933 году именно эту картину и продали в одну из частных американских коллекций.

Вторая кража произошла в конце тех же 20-х в Ленинграде в самом Эрмитаже. Там тогда была собрана уникальная коллекция антиквариата, специально для иностранных гостей. Поздним вечером, когда музей закрылся и охранник остался только в вестибюле, преступник забрался на карниз здания и подобрался к окнам демонстрационного зала. Алмазом разрезав стекло, он с помощью пластыря бесшумно выдавил его и проник внутрь. Сложив драгоценности в мешок (на сумму в 330 тысяч рублей), грабитель перекинул его через плечо и удалился тем же способом, каким и пришел. Спустившись вниз, он зашел в подвал, сменил там всю одежду и обувь и был таков.

Пропажу обнаружили только утром следующего дня. Создали следственную бригаду. И вскоре вышли на преступника. В этом сыщикам помог клей, которым был обмазан пластырь. Он был самодельным, сваренным из картофельного крахмала, пшеничной муки и столярного клея. Сыщик Алексей Кошелев (в 1951 году он возглавит МУР) нашел в архивах дело десятилетней давности, в котором использовался точно такой же клей. Так было установлено имя грабителя, проживавшего тогда на Украине.

Не менее громким было и ограбление крупнейшего магазина в Москве «Меха», что на углу Столешникова переулка и Большой Дмитровки. Случилось это летом 1928 года. Преступники проявили чудеса изобретательности и не стали вскрывать замки или ломать витрины. Они прорыли подкоп в подвал магазина из соседней котельной и унесли мехов на сумму 22 тысячи рублей.

Это дело взяла в свое производство единственная женщина-следователь в МУРе – Екатерина Максимова. Подкоп был уникальным в своем роде. Ранее такого никогда еще не случалось. Сделать это мог только технически грамотный человек. Удача же пришла к сыщикам неожиданно.

На одной из «малин» муровцы арестовали мужчину с забинтованными руками. Тот объяснил, что поранил руки в драке. Однако сыщики решили по-другому и предположили, что руки тот мог поранить во время подкопа.

Между тем арестованный, находясь в тюрьме, не выдер-

жал и решил дать весточку своим друзьям. Через освобожденного из заключения мужчину он отправил на волю записку. Но муровцы были начеку. Так был установлен адрес подельников арестованного. Там проживал Станислав Швабе, как оказалось, сын бывшего начальника московской сысской полиции и главный организатор ограбления магазина.

Тем временем – хоть и не так часто, как десять лет назад – в Москве продолжали иногда греметь бандитские выстрелы. Зимой 1929 года в Бобровом переулке был убит выстрелом из пистолета кассир района Фролов. Преступник похитил у него чемодан с 28 тысячами рублей. Столь дерзкое и жестокое преступление подняло на ноги буквально весь МУР. Сыщики работали не покладая рук и вскоре задержали грабителей. Ими оказались некие Маргеладзе и Шмидт. Последний и был главным инициатором преступления. К этой акции они готовились два месяца, тщательно изучали маршрут движения Фролова, его привычки. Достав наконец револьвер, бандиты решили осуществить задуманное. Суд приговорил их к расстрелу.

Преступления времен Великой Отечественной

Борьба с бандитизмом. Дело А. Харитоновой. МГБ против МВД. Лжеполковник Н. Павленко. Дело Мосминводторга

Великая Отечественная война сплотила всех, кому дороги были свобода и честь Отечества. Даже преступники готовы были бить врага до победного конца. Генерал К. Рокоссовский, до войны сам познавший ужас тюремных застенков, обратился к И. Сталину с предложением сформировать из уголовников специальные подразделения для борьбы с фашистами. Сталин дал добро. Штрафбаты создали летом 1942 года, и они буквально наводили ужас на врага. Правда, и потери в этих подразделениях были огромны. Используемые в виде «пушечного мяса», уголовники чуть ли не голыми руками воевали с врагом, рискуя получить пулю и от немцев – в грудь, и от своих – в спину.

Однако отметим, что участие некоторых уголовников в войне в скором времени раскололо надвое преступный мир страны. Получившие оружие из рук власти («ссучившиеся») уголовники по старым воровским понятиям предавали главную идею блатного мира – не идти ни на какие сделки с государством. Впереди теперь маячила долгая и жестокая «су-

чья» война.

С самого начала войны уголовному розыску страны пришлось столкнуться с новыми видами преступлений: дезертирством, мародерством, распространением провокационных слухов. Московский уголовный розыск в годы войны возглавляли два человека: комиссары милиции 3-го ранга К. Рудин и А. Урусов. Авторитет МУРа и в годы войны оставался на том же высоком уровне, что и прежде. Когда в начале 1942 года волна бандитизма захлестнула Среднюю Азию, включая города Ташкент, Фрунзе, Алма-Ату, Джамбул, Чимкент и др., ГКС НКВД СССР командировал в Ташкент бригаду Главного управления милиции во главе с начальником отдела уголовного розыска по раскрытию опасных преступлений Александром Михайловичем Овчинниковым. Почти месяц эта бригада помогала ташкентским сыщикам обезвредить ряд крупных вооруженных банд в городе и окрестностях. С пойманными бандитами особо не церемонились – просто ставили к стенке.

Москва тогда помогала не только людьми, но и советом. 3 сентября 1942 года в органы милиции на местах был направлен обзор опыта борьбы с преступностью в стране за первый год войны. Он содержал не только анализ состояния преступности, но и разбор тактики, применяемой преступниками в условиях военного времени.

В 1943 году к руководству уголовным розыском страны пришел упоминавшийся нами ранее А. М. Овчинников,

один из лучших сыщиков того времени. Уроженец Пермской области, А. Овчинников начинал свою карьеру в милиции с должности участкового инспектора в Кунгуре. Затем там же он был начальником милицейского конного резерва. В 1938 году он стал начальником городской милиции Свердловска. Перед войной работал в НКВД Армении. С января 1941 года – в ГУУР НКВД СССР.

Став главным сыщиком страны, Овчинников собрал под своим крылом лучших специалистов розыскного дела. Он перевел к себе из МУРа Николая Осипова, участвовавшего в раскрытии в декабре 1936 года в Мелекесе убийства депутата Марии Прониной. В ГУУР были также переведены: начальник угро Казахстана Иосиф Татаринев и начальник угро Красноярского края Михаил Титаренко (в 1949 году именно он сменил А. Овчинникова на посту начальника ГУУР).

Преступность в Москве военных лет была по тем временам довольно высокой. Грабили квартиры, убивали людей (благо с оружием теперь не было проблем), «чистили» магазины и склады железнодорожных орсов. Злачные места Москвы буквально кишели блатным людом. Самыми криминогенными местами считались Марьино Роща и особенно Тишинский рынок. Как вспоминал писатель Эдуард Хруцкий, «перед кровавыми подвигами Тишинки бледнела слава Марьиной Рощи, Вахрущенки и Даниловской заставы. Я по сей день помню это пугающее скопище человеческой нечисти. На территории этой была своя иерархия и даже некая

«форменная одежда».

Ниже всех стояли уголовные солдаты-огольцы. Они ходили в синих кепках-малокозырках, в скомканных «в гармошку» хромовых сапогах, и белый шарф на шее, и, конечно, золотой зуб-фикса. Для нас, мальчишек, они были особенно опасны: могли запросто отобрать продовольственные карточки, если тебя родители послали в магазин, снять шапку, отнять билеты в кино. Они шныряли по рынку, выполняя указания «солидняков». Местного ворья...»

В конце войны, в ноябре 1944 года, силами ГБ и московской милиции, с привлечением значительных армейских сил на Тишинском рынке была устроена грандиозная облава. По словам все того же Э. Хруцкого, «после нее разбежались, сгинули огольцы, исчезли мордатые спекулянты, залегли на дно воры в законе. Карательная машина государства, имевшего уникальный опыт массовых посадок, сработала безукоризненно. После этой облавы мы еще долго находили в проходных дворах деньги, финки, кастеты и даже пистолеты... С массовым бандитизмом в Москве было покончено за полгода.

Брали всех. Бандитов ставили к стенке или отправляли на Север, а тех, кто, возможно, сталкивался с ними случайно, забирали по статье 59-3 как бандпособников...»

Война высвечивала как лучшие, так и худшие качества людей. Были и тогда среди преступников свои «монстры». И даже женщины, в частности, москвичка, некая Анастасия

Харитоновна. Ее уголовное дело стало одним из самых громких дел в практике МУРа тех лет.

Семья Харитоновых (муж, жена и двое мальчиков-близнецов – Володя и Витя) жили до войны на Хорошевском шоссе. В 1941 году глава семейства ушел на фронт, а Анастасия Харитоновна с детьми эвакуировалась. Мальчикам в тот год было по 7 лет. Вернувшись в 43-м из эвакуации в Москву, Анастасия встретила мужчину, с которым решила создать новую семью. Однако сделать это ей мешали уже подростки. И Харитоновна задумала от них избавиться. Поначалу она не решалась выгнать ребят из дома сама и поэтому всеми силами создавала такие ситуации, чтобы они это сделали добровольно. Она била их нещадно за малейшую провинность, морила голодом. Затем, видя, что это не помогает, стала действовать более энергично. Увезя детей в Горький, она оставила их там и приехала в Москву. Но местная милиция вернула мальчиков обратно. Тогда Харитоновна увезла сыновей в лес и бросила. К сожалению, мальчики самостоятельно нашли дорогу назад. Развязка в этой жуткой истории наступила в апреле 1944 года.

19 апреля Харитоновна сказала детям, что отвезет их в Хотьково к тете Анне. Доехав до станции, все трое отправились пешком к дому родственницы. Когда они шли по мосту над рекой Пажой, Харитоновна неожиданно столкнула детей в воду. Не умея плавать, оба мальчика утонули. Харитоновна вернулась в Москву и сообщила соседям, будто дети оста-

лись у сестры. Однако та через несколько дней приехала в Москву, и соседи поинтересовались здоровьем мальчиков. Анна ответила, что не видела детей больше месяца и их к ней никто не привозил. Почувяв неладное, соседи сообщили обо всем в милицию. После нескольких изнурительных допросов Харитонова созналась в убийстве детей. Суд приговорил ее к длительному тюремному заключению, так как закон тогда не позволял ее расстрелять.

9 июля 1945 года народный комиссар внутренних дел СССР Лаврентий Берия был удостоен высокого звания Маршала Советского Союза за самоотверженную работу на благо Родины в годы Великой Отечественной войны. Через пять месяцев после этого, 29 декабря, вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об освобождении Л. Берии с поста наркома. По личному распоряжению И. Сталина Берия отныне должен был целиком сосредоточиться на работе в Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнаркоме СССР.

Первоначально Л. Берия продолжал курировать систему правоохранительных органов в стране, но уже в 1946 году в связи с усилением позиций А. Жданова эти функции у него были отобраны, он сохранил за собой лишь контроль за Комиссией по атомной энергии. Пошатнулись связи Берии и в самом МГБ, куда в 1946 году вместо давнего друга В. Меркулова председателем пришел Виктор Абакумов, в свое время арестованный Берией, но в 1940 году ушедший из-под его опеки в Управление особых отделов РККА. И только в МВД

СССР министром оставался Сергей Круглов, имевший с Берией тесную рабочую связь с ноября 1938 года, когда 31-летний С. Круглов пришел служить в НКВД под начало только что назначенного на пост наркома Берии. Теперь, в 1945 году, С. Круглов сменил своего патрона в кресле наркома, и именно на его долю выпала обязанность существенно перестроить органы внутренних дел страны в послевоенный период.

Так как борьба с преступностью в первые послевоенные годы значительно осложнялась массовой миграцией населения – возвращающихся из эвакуации, демобилизованных, репатриантов, – то в этих условиях первостепенное значение имели все направления деятельности милиции: охрана прав и интересов граждан; предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений; борьба с расхитителями, спекулянтами и взяточниками; борьба с детской беспризорностью; обеспечение безопасности дорожного движения; соблюдение требований паспортной и разрешительной систем.

В 1946 году серьезной реорганизации подвергся уголовный розыск страны. Отдел уголовного розыска Главного управления милиции МВД СССР был преобразован в Управление уголовного розыска (УУР), деятельность которого стала строиться по территориальному принципу. На УУР возлагалась задача организации борьбы со всеми видами уголовных преступлений на всей территории СССР. Начальником УУР оставался А. М. Овчинников.

МУР в первые послевоенные годы возглавлял Иван Васильевич Парфентьев, начальник строгий и сыщик, как говорится, от Бога. Оперативных работников он подбирал себе так, как не каждый мужчина подбирает себе жену.

Реорганизация коснулась тогда и отдела БХСС Главного управления милиции МВД СССР. В 1947 году этот отдел был преобразован в Управление по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией.

В августе 1947 года реорганизации подверглись подразделения милиции Москвы, столиц союзных республик, Ленинграда, а также Архангельска, Мурманска и Владивостока: они организовывались по войсковому принципу и на них распространялись уставы Советской Армии.

В феврале 1948 года в составе Главного управления милиции МВД СССР и при республиканских, краевых и областных УМВД появились следственные отделы, основной задачей которых стало расследование уголовных дел, возбуждаемых оперативными отделами милиции.

Между тем давнее соперничество органов МВД и МГБ в 1949 году вылилось в то, что МГБ вновь поглотило советскую милицию, подчинив ее себе, как это уже было в 1930 году. Теперь Главное управление милиции МГБ СССР состояло из трех управлений: управления милицейской службы, на которое возлагались функции охраны общественного порядка и общественной безопасности, а также проведение административных мероприятий по исполнению законов и рас-

поряжений центральных и местных органов власти; управления по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией; управления уголовного сыска (так тогда именовался уголовный розыск). Кроме того, был создан ряд отделов по видам деятельности милиции.

Преобразовав центральный аппарат милиции, МГБ упразднило как не оправдавший себя зональный принцип руководства местными органами сыска, введя линейный (по видам преступлений). Теперь при республиканских, краевых и областных управлениях милиции были образованы учетно-регистрационные отделы, ведавшие статистикой.

Переподчинение милиции столь мощному ведомству, каким являлось МГБ, конечно, сыграло свою положительную роль, но все же не смогло снять всех проблем.

Даже в годы знаменитого сталинского порядка не переводились на Руси уникальные преступники. Одним из таких был Николай Павленко. Встречавшийся с ним сорок лет назад следователь союзной прокуратуры Сергей Михайлович Громов рассказывал: «О деле Павленко нигде публично не упоминалось. На мой взгляд, оно поучительно. Бытует мнение, что только в последние десятилетия появились крупные аферисты и мошенники. К сожалению, были они и раньше, в сталинские времена «высоких нравов». Мне довелось заниматься делами всех категорий. Это убийства, бандитизм, украинские нацисты, крупные хищения, взяточничество лиц, занимавших высокое служебное положение. Но

уголовное дело по обвинению Павленко – единственное в своем роде.

В ноябре 1952 года была разоблачена и ликвидирована преступная вооруженная организация, действовавшая на протяжении 10 лет.

Ее создал в марте 1942 года, в тяжелый период Великой Отечественной войны, некий Павленко Н. М., который дезертировал из воинской части, направляемой на фронт, и через некоторое время сколотил и возглавил лжевоенно-строительную организацию под вымышленным наименованием УВР-2 (Управление военных работ). Под ее крышу он собрал дезертиров, судимых ранее людей, своих родственников и приятелей. Павленко и его сообщники, воспользовавшись ротозейством и беспечностью командиров отдельных воинских частей, обманывая и подкупая тыловиков, смогли обмундировать личный состав «своей воинской части» в форму солдат, сержантов и офицеров Советской Армии, вооружить их и, находясь в тылах действующих войск, занялись массовыми хищениями и грабежами государственного, а также трофейного имущества на территориях, освобождаемых от врага. Этот поход сопровождался бесчинствами и даже самовольными расстрелами. По существу, УВР-2 представляло собой вооруженную банду.

После окончания войны Павленко разделил значительную часть награбленного имущества между своими «однополчанами», щедро наградил их через командование других ча-

стей орденами и медалями, многих «бойцов» снабдил различными подложными документами и фиктивно демобилизовал.

Как ни парадоксально, Павленко со своей лжевоинской частью дошел почти до Берлина. Подкупив некоторых должностных лиц из числа военных комендантов в немецких городах, добился выделения для них железнодорожных вагонов и беспрепятственно вывез все награбленное имущество летом 1945 года.

После так называемой демобилизации Павленко и его сообщники создали в Калининне артель «Пландорстрой». Он стал ее председателем. Вскоре, расхитив свыше 300 тысяч рублей кооперативных денег, из Калинина скрылся, а в марте 1948 года, используя сохранившиеся у него фиктивную печать и бланки УВР-2, возродил свою организацию. Теперь уже под названием УВС (Управление военного строительства).

Основным способом массовых хищений государственных средств было заключение разного рода договоров на дорожно-строительные работы, фактически выполнявшиеся наемными рабочими и колхозниками, вовлеченными в эту организацию обманным путем и не подозревавшими о ее подлинном характере и целях.

До разоблачения в 1952 году Павленко и другие участники УВС, используя открытый счет в Госбанке, из сумм, выплачиваемых разными организациями за выполненные до-

рожно-строительные работы, расхитили свыше 30 миллионов рублей.

Павленко дезертировал из армии в звании воентехника 1-го ранга, а в последующие годы присвоил себе звание полковника. Маскировка созданной Павленко организации под воинскую часть способствовала уклонению от финансового и иного государственного контроля за ее деятельностью. В то же время наличие вооруженной охраны на объектах УВР-2 и УВС исключало проникновение на них представителей местных властей.

С целью конспирации в «части» была создана и так называемая контрразведка, начальником которой был один из главарей УВС Константинов (Константинер), выдававший себя за майора. Кроме него, носил форму инженер-майора Допкин, «начальник снабжения», в званиях офицеров ходили и некоторые другие участники этой преступной организации: Завада, Фелимонов, Щеголев и другие.

Документально установлено, что Павленко и его сообщники по разного рода липовым представлениям получили свыше 230 орденов и медалей Советского Союза.

В ноябре 1952 года, в момент ликвидации УВС, ее участники располагались в Киевской, Одесской, Запорожской, Днепропетровской, Харьковской, Могилевской областях, на территории Молдавии и Эстонии. В «штате» этой лжевоинской части числилось свыше 300 «бойцов», из них 50 вооруженная охрана. При ликвидации было конфисковано 3 руч-

ных пулемета, 21 винтовка и карабин, 8 автоматов, 18 пистолетов и револьверов, 5 ручных гранат и свыше 3 тысяч боевых патронов. УВС располагало и автотехникой легковыми автомобилями, грузовиками, тракторами, экскаватором. Кроме того, у «руководства» в достатке имелось фиктивных гербовых и других печатей и штампов, бланков, справок...

Павленко и другие были осуждены по приговору военного трибунала Московского военного округа. Сам «полковник» получил высшую меру наказания...»

Так что, как это ни покажется странным, но, оказывается, и во времена железного сталинского порядка могли десятилетиями безнаказанно обделывать свои дела преступные группировки типа УВС. Судя же по воспоминаниям бывалых следователей, многие из нынешних громких преступлений были известны и полстолетия назад. К примеру, в конце 40-х годов много шума наделало так называемое дело Мосминводторга. Эта организация содержала в Москве павильоны, где продавались в розлив пиво и водка. Служба в этих павильонах была настолько прибыльной, что, для того чтобы устроиться на нее, требовалось «отстегнуть» начальникам 15 тысяч рублей, а эта сумма тогда равнялась шестидесяти месячным стипендиям студента-отличника МГУ. Место же руководителя павильона оценивалось в два раза выше. Зато, устроившись в павильон или палатку, можно было с помощью элементарного недолива возместить затраты в течение одного месяца. И все оставались довольны. Про-

давец получал свою долю левого навару, инспектора – свою, даже районное отделение милиции было не в обиде на торг, имея свой процент от левых денег.

И вот в конце 40-х годов директора торго Федунова все-таки взяли. Тогда этот арест навел страху на московских барыг, правда, ненадолго. Вскоре, используя связи в Секретариате Президиума Верховного Совета СССР, Федунов был помилован и вышел на свободу. Так что система взяточничества прекрасно себя чувствовала и при Сталине. В 1950 году в Верховном суде РСФСР на взятках «погорели» несколько членов суда и консультантов. Секретарь Военной коллегии некто Буканов за деньги подписывал для преступников различные ходатайства с указанием своей немаленькой должности, и последние прикрывались этими бумагами как щитом.

Тогда же, в 40-х годах, в стране появились и первые так называемые «цеховики», владельцы подпольных цехов, где выпускалась «левая» продукция. Об этом делится своими воспоминаниями полковник юстиции в отставке А.Лискин: «И в те времена было немало людей, обуреваемых страстью легкой наживы. Однако в рамках тогдашней хозяйственной инфраструктуры и уголовного права гражданам СССР заниматься частным предпринимательством не дозволялось под страхом уголовного наказания. Тем не менее находились и такие, кто создавал дутые артели, подпольные цеха в колхозах и совхозах и «гнал» незамысловатый, но имевший спрос ширпотреб: плащи, свитера, кофты, чулки, носки...

Они воровали, так как никаких фондов у частных не имелось. Чтобы делать «левый» товар, скажем, бытовую резинку, они порой под официальным лозунгом об экономии на производстве сырья и материалов «совершенствовали» ее изготовление на государственной фабрике. Из семи жлоков, скажем, оставляли пять, а две умыкали на подпольное производство...

Были продуманы как каналы сбыта, так и система отмывания «грязных» денег. Например, преступники находили людей, выигравших крупные суммы по займам и дорогие предметы по денежно-вещевым лотереям. Подпольные миллионеры оплачивали таким счастливицам их выигрыши двойными, а то и тройными суммами.

Однако в этих хитросплетениях, особенно при дележе добычи, возникали обострения из-за объегоривания друг друга. Но в те годы никаких разборок с применением паяльных ламп, электротока, удавок, пальбы из пистолетов и привлечения наемных убийц тенивики не применяли. По взаимному согласию дельцы подбирали трех, с их точки зрения, наиболее уважаемых и мудрых старцев, которых и приглашали выступить в роли третейских судей».

Таким образом, корни отечественной организованной преступности следует искать в той командно-административной системе, что действовала еще при Сталине. Ведь сложившийся порядок управления обществом и хозяйством не мог существовать без теневой экономики, которая являлась

не чем иным, как передаточным звеном между организованной преступностью и советской бюрократической системой. Другое дело, что, зная о существовании рядом с собой теневой экономики, официальная власть не давала ей возможности сильно укрепиться и расшириться и с помощью штыка раз от раза проводила профилактические мероприятия по ликвидации особо зарвавшихся теневиков. В ноябре 1952 года очередь дошла, например, до Н. Павленко. Отметим, что суммы ущерба, который наносили шайки бандитов в то время, не шли ни в какое сравнение с тем, что происходит сегодня. Специалист по организованной преступности в СССР Александр Гуров (о нем еще пойдет речь впереди), изучив в Мосгорсуде дела 40 бандитских групп, разоблаченных за период с 1946 по 1959 год, выяснил, что их «подвиги» куда скромнее, чем дела нынешних бандитов. Одна тогдашняя банда из 17 человек, занимавшаяся хищениями, причинила убыток на сумму в 3 тысячи рублей, что, по новому исчислению, равняется сумме... в 300 рублей.

В последний раз возвращаясь к имени Н. Павленко, отметим, что его «бойцы» так и не произвели в сторону законной власти ни одного выстрела. Может быть, поэтому именем этого великого расхитителя социалистической собственности в те годы сердобольные родители не пугали своих детишек и имя его не склонялось всуе среди простых сограждан в очередях и на коммунальных кухнях. Зато про всяких «черных кошек» люди судачили не переставая. Хотя на самом де-

ле московская банда «Черная кошка» была всего лишь молодежной хулиганской группировкой. В нее входили ребята 10–12 лет, основным занятием их был грабеж уличных палаток, в которых продавались так нужные подросткам папиросы и конфеты. Обчистив вечером палатку, ребята на прощание малевали на ее стенах силуэт черной кошки.

Однако в отличие от «Черной кошки» в Москве того времени действовали и настоящие вооруженные банды, подобные банде Горбатого из знаменитого произведения братьев Вайнеров.

Борьба за власть в правительстве СССР. Банды 50-х

Банда Америки. Банда И. Митина. Арест Л. Берии. Создание КГБ. Чистки в МВД. Борьба с преступностью. Упразднение МВД СССР.

15 апреля 1949 года в Московский финансовый институт кассиры Тимакова и Никитина привезли 258 тысяч рублей зарплаты. В шесть часов вечера, когда кассиры вошли в вестибюль института, к ним приблизился молодой человек и тремя выстрелами из пистолета уложил наповал. Схватив мешок с деньгами, он выскочил на улицу и, сев в поджидавшую его у входа «победу», скрылся с места происшествия. Этим убийцей и грабителем оказался 25-летний Павел Андреев, в уголовной среде известный под экстравагантной кличкой Америка, предводитель банды из 14 человек. Эта банда долгое время занималась вооруженными налетами на магазины и кассы Подмосковья. Но деньги, добываемые бандой после подобных налетов, были не столь большими и проедались, пропивались ее участниками в считанные недели.

Америка же мечтал о солидном куше, причем делиться ни с кем не хотел. Поэтому когда в один из апрельских дней 1949 года в ресторане «Звездочка», что на Преображенке,

к нему за столик подсел неизвестный и предложил без особых хлопот «взять» кассу финансового института, Америка сразу согласился, чем и поставил финальную точку в своей бандитской карьере. В машине, брошенной налетчиками на Башиловке, сотрудники МУРа нашли «пальчики» Америки, и с этого момента судьба его была предрешена. Но так как Павел Андреев теперь проживал по подложным документам не у родителей, а в отдельной комнате в Сокольниках, достать его муровцам удалось не сразу. Лишь после того, как в далекой от Москвы Казани агент угрозыска по кличке Брюнет вывел своих товарищей на изготовителей фальшивых документов и оттуда ниточка протянулась в Москву, муровцы установили наконец, под какой фамилией нынче скрывается Америка. Было установлено, что Павел Андреев теперь является Никитиным и числится художником-модельщиком в Производственном комбинате МОСХа. 20 мая 1949 года в Сокольниках на квартире Америки сотрудники МУРа арестовали почти всю банду. Так и не сумел Павел Андреев вдоволь погулять на ворованные деньги, получив по суду 25 лет отсидки.

Не успело стихнуть эхо суда над бандой Америки, как Москва вновь содрогнулась от страха перед бандитскими налетами. 26 марта 1950 года трое налетчиков, представившись ни много ни мало сотрудниками МГБ, ворвались в промтоварный магазин в Тимирязевском районе и «обчистили» его кассу на 68 тысяч рублей. Пораженные такой наг-

лостью, московские чекисты попытались по горячим следам сесть банде на «хвост», но та на некоторое время «легла на дно» и легко избежала всех неприятностей.

После того как страсти вокруг дерзкого налета несколько улеглись, банда вновь дала о себе знать. 16 ноября 1950 года ею был ограблен магазин водного бассейна на 24,5 тысячи рублей, а 10 декабря – промтоварный магазин в Кутузовской слободе на 62 тысячи рублей. Столь солидный куш (почти 90 тысяч рублей) и дерзость банды заставили заговорить о ней всю Москву и округу. Сыщики из МГБ и МУРа буквально сбились с ног в поисках неуловимых налетчиков. По свидетельским показаниям, верховодил у них высокий белобрысый парень в коричневом кожаном пальто. На правом плече пальто кожа была вырвана треугольным клочком, а затем аккуратно зашита. Вооружен белобрысый двумя пистолетами, один из них – «ТТ». Второй преступник был низкого роста, в телогрейке, он обычно складывал в сумку все наворованные деньги. В описаниях третьего преступника свидетели путались.

Однако, даже несмотря на описание двух бандитов, сыщики так и не могли выйти на них через своих информаторов в преступной среде. Судя по всему, налетчики не имели никакого отношения к уголовному миру. Это значительно усложняло поиски.

В МУРе были созданы две оперативные группы: одна, во главе с полковником Семеном Дегтяревым, занималась ро-

зысками бандитов в Москве, другая, во главе с Игорем Скориним, прочесывала область. От Москвы операцию курировал А. М. Овчинников, от области – начальник областного угро Андрей Холомин.

Между тем преступники, чувствуя свою безнаказанность и дурея от легких денег, стали действовать наглее и безжалостнее. 1 февраля 1951 года возле одного из промтоварных магазинов в Ховрине ими были убит оперуполномоченный местного отдела милиции Кочкин. 11 марта та же участь постигла и лейтенанта милиции Бирюкова. Вместе с последним шальные пули бандитов сразили наповал и двух случайных свидетелей – мастера одного из московских заводов и женщину.

Эти убийства среди бела дня настолько всколыхнули Москву, что партийные власти не могли оставить их безнаказанными. Первый секретарь МК ВКП(б) Никита Хрущев собрал у себя все руководство столичной и областной милиции и поставил вопрос ребром: либо вы ловите банду, либо каждый из вас ответит перед партией своей карьерой. В доказательство серьезности своих слов Хрущев тут же публично снял с должности и арестовал начальников двух райотделов милиции – Тимирязевского и Химкинского.

Но даже столь крутой разговор в кабинете главного партийного руководителя Москвы не исправил положение в лучшую сторону. Банда по-прежнему была неуловима. Продолжали звучать выстрелы и лилась невинная кровь. До фев-

раля 1953 года (то есть в течение последующих 23 месяцев) преступники успели совершить еще 15 вооруженных налетов, убить одного (в общей сложности – трех) милиционера и пятерых гражданских лиц и награть денег на сумму 292 тысячи 500 рублей. И кто знает, сколь долгим оказался бы кровавый путь этой неуловимой банды, если бы не секретный агент милиции по кличке Мишин. Именно ему выпала участь быть внедренным в эту банду, которую взяли ранним февральским утром 1953 года. В нее входили четыре человека, а возглавлял ее мастер одного из заводов в Красногорске 26-летний Иван Митин. Эта преступная группировка, наводившая ужас на Москву и область в течение почти трех лет, была уникальна прежде всего тем, что члены ее были вполне добропорядочными гражданами, числились передовиками производства и не имели никаких уголовных контактов. Последнее обстоятельство и позволяло ей просуществовать столь долгое время и путать все карты московским сыщикам. Главарь банды Митин чуть ли не под страхом смерти запретил своим подельникам «светиться» с награбленным в значных местах столицы, и никто из них не посмел его ослушаться.

И все же сколько веревочке ни виться, но на каждого Горбатого находился свой Шарапов и на каждого Митина – свой Мишин.

В дни, когда банда Митина содержалась в тюрьме Лефортово, на даче в Кунцево 5 марта 1953 года скончался Иосиф

Сталин. Смерть его повергла в уныние миллионы людей, но только не его ближайших соратников из кремлевского руководства. Один из выдающихся деятелей коммунистической системы Лаврентий Берия начал свое новое и последнее стремительное восхождение к вершинам государственного руководства.

Для того чтобы вернуть себя к руководству силовыми министерствами (МГБ и МВД), ему понадобилось всего 10 дней. 15 марта 1953 года Л. Берия в четвертый раз за советскую историю объединяет МГБ СССР и МВД СССР в одно министерство и становится министром внутренних дел Союза. Его рвение в те дни, кажется, не знает никакого предела. Отстраненный в 1945 году от фактического руководства карательными органами, Берия теперь стремится наверстать упущенное. «Я прекратил ежовщину, – заявил он тогда. – Теперь я прекращу и игнатовщину!»

Семен Игнатъев, кадровый партийный работник, в июле 1951 года был направлен Сталиным для руководства МГБ, одновременно занимая должность заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б). Встав во главе МГБ, С. Игнатъев сделал все от него зависящее, чтобы усилить партийный диктат над органами госбезопасности. Сотни партийных чиновников пришли в МГБ, вытесняя оттуда чекистов-профессионалов.

Став в марте 1953 года министром внутренних дел, Берия запустил колесо в обратную сторону. Полностью игнорируя

прежний порядок назначения на руководящие посты (когда для этого требовалось согласие ЦК ВКП(б)), Берия стал целенаправленно удалять из МВД всех работников, прибывших из партийных органов.

На следующий день после своего назначения на пост министра Берия направляет секретарю ЦК КПСС Н. Хрущеву документ следующего содержания: «ЦК КПСС. Тов. Хрущеву Н. С. В связи с объединением органов бывшего МГБ и МВД прошу утвердить министрами внутренних дел республик, начальниками краевых и областных управлений МВД (далее следуют 892 фамилии генералов и полковников с указанием должностей, на которые они назначаются). В дальнейшем может оказаться необходимым сделать некоторые изменения в этом составе, независимо от этого представляемых товарищей необходимо утвердить. Л. Берия».

На должность начальника Главного управления милиции МВД СССР в том списке рекомендовался 52-летний кадровый чекист (в течение последних 10 лет он возглавлял пограничные войска страны) Николай Стаханов.

Реорганизационная деятельность Л.Берии на посту министра внутренних дел продолжала набирать свои обороты. В том же марте 53-го Берия вывел из подчинения МВД строительные главки, а ГУЛАГ передал Министерству юстиции. В своем министерстве Берия оставил лишь оперативный аппарат.

На шестой день после своего назначения Берия вошел в

Совет Министров СССР с предложением прекратить строительство 20 крупных объектов (строительство гидротехнических сооружений, железных, шоссейных дорог и предприятий). 24 марта Берия пишет записку в Президиум ЦК КПСС с предложением провести в местах заключения амнистию среди осужденных, которые не представляют для населения особой опасности, получивших за свои преступления срок до 5 лет, осужденных независимо от срока наказания за должностные, хозяйственные и некоторые воинские преступления, женщин, имеющих детей до 10 лет, беременных женщин, несовершеннолетних в возрасте до 18 лет, пожилых мужчин и женщин, а также больных.

Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии был принят 27 марта 1953 года, и согласно ему подлежали освобождению из лагерей и тюрем 1 181 264 человека из 2,5 миллиона осужденных.

Но эта широкомасштабная амнистия, затеянная Берией в целях поднятия собственного престижа, проводилась в жизнь бездарно. В результате преступной халатности многих начальников лагерей и тюрем на волю были выпущены сотни опасных преступников. И в связи с тем, что паспортные ограничения были сняты в 340 городах Союза (кроме Москвы, Ленинграда, Кронштадта, Севастополя и Владивостока), криминогенная обстановка в стране резко обострилась. Многие города страны в буквальном смысле слова перешли на режим чрезвычайного положения. Даже в Москве

было беспокойно. Сотрудники МУРа работали круглосуточно, отлучаясь домой лишь на несколько часов. Почти все сыщики работали на улицах города, опытным глазом определяя блатных. К осени вал преступности, захлестнувший столицу, был сбит.

Тем временем в апреле 1953 года либеральная политика нового министра внутренних дел продолжилась. Было закрыто «дело врачей», а в июне, по предложению Берии, Президиум ЦК КПСС ограничил права Особого Совещания при министре внутренних дел.

Как это ни парадоксально звучит в наше время, но именно Л. Берия, гораздо раньше Н. Хрущева, стоял у истоков десталинизации советского общества, способствуя тому, чтобы имя Сталина постепенно исчезало со страниц массовой печати. Если в апреле и мае в передовых статьях «Правды» все еще встречалось имя «вождя всех народов», то за период с конца мая до конца июня 1953 года (то есть до ареста Берии) на Сталина была лишь ОДНА ссылка. Но после ареста министра МВД имя Сталина только за первую неделю июля было названо 12 раз.

В бюллетене «Радио Свобода» в январе 1972 года на эту тему писалось: «Берия, вероятно, понимал яснее и дальновиднее, чем его сотрудники в Президиуме ЦК, что вся эта (сталинская) система так или иначе обречена и что лучше всего взять инициативу в свои руки и опрокинуть эту систему. Но даже в таком случае можно сказать с уверенностью,

что Берия не мог сам начать в 1953 году процесс десталинизации... По многим причинам можно предположить, что Маленков стоял на более умеренном, либеральном крыле партии, тогда как Хрущев в то время еще противился десталинизации».

Вернув себе после смерти Сталина реальную, ничем не ограниченную власть, Берия основательно взялся и за перестройку партийных кадров. Его уполномоченные на местах на основе собранного компромата должны были регулярно оповещать своего министра о деятельности партийных органов. Выглядело же это так. Один из уполномоченных, некий Ткаченко, сообщал тогда Берии в Москву: «партийные и советские руководители республики, на наш взгляд, работают мало. Секретарь ЦК ВКП(б) иногда вечерами, как правило, бывает на работе, остальные не работают.

Лично т. Суслов работает мало. Со времени организации бюро ЦК ВКП(б) около половины времени он провел в Москве, в несколько уездов выезжал на 102 дня, днем в рабочее время можно часто застать его за чтением художественной литературы, вечерами (за исключением редких случаев, когда нет съездов или совещаний) на службе бывает редко».

Подобные рапорты шли к Берии весной – летом 1953 года почти из всех республик. Когда же письменных данных ему было мало, он отправлял на места своих помощников с заданием проверить работу партийных и советских органов. В апреле 1953 года с подобным заданием в Литву выехал на-

чальник 4-го управления МВД СССР Сазыкин.

Между тем стремление Берии диктовать партии свои правила не могло не вызвать у его ближайших соратников по кремлевскому руководству обоснованной тревоги. Кстати, подобная же тревога возникнет у членов Президиума ЦК и в 1957 году в связи с действиями маршала Г. Жукова в армии. Поэтому в недрах кремлевского руководства начал постепенно зреть заговор против столь активного министра внутренних дел. Берия же ни о чем не догадывался, считая свои действия вполне законными и обоснованными. Эта беспечность дорого ему обошлась.

15 июня 1953 года по решению Президиума ЦК и Совета Министров СССР Берия был откомандирован в Восточный Берлин, где в это время начались антиправительственные выступления. Ни о чем не подозревая, он соглашается на целых 10 дней покинуть Москву. 25 июня Берия возвращается обратно, а 26 июня во время очередного заседания Президиума ЦК в Кремле его арестовывают. Наиболее активную роль в этом аресте играл маршал Г. Жуков, человек, которого через четыре года после этого самого объявят бонапартистом и снимут с поста министра обороны.

Как указывает официальная советская историография, следствие над Л. Берией и его шестью соратниками по МВД длилось полгода. С 18 по 23 декабря 1953 года в Москве, в Кремле, в зале заседаний Президиума ЦК КПСС, проходил закрытый суд над Берией. В своих ответах судьям бывший

министр внутренних дел СССР заявил: «Я должен заявить суду, что врагом народа я не был и не могу быть... Я категорически отрицаю, что все мои действия были направлены к захвату власти. Я скажу так, что особой скромностью я не отличался – это факт. Я действительно влезал в другие отрасли работы, не имеющие ко мне никакого отношения, это тоже верно... то, что я старался себя популяризировать – это было. Что касается моих бонапартистских вывихов, то это неверно...

Прошу вас при вынесении приговора тщательно проанализировать мои действия, не рассматривать меня как контрреволюционера, а применить ко мне те статьи Уголовного кодекса, которые я действительно заслуживаю».

Но Берия напрасно надеялся на снисхождение со стороны своих бывших соратников. Руки всех кремлевских руководителей, судивших его, были обогрены кровью тысяч безвинных жертв не меньше, чем у Берии, но именно Берия должен был стать тем человеком, на которого кремлевское руководство могло списать все свои грехи. Отныне имя Лаврентия Берии должно стать нарицательным, стать символом всего ужасного, что произошло в советской истории.

Между тем Л. Берия стал третьим министром внутренних дел СССР, расстрелянным тем режимом, которому он верой и правдой служил. Причем в отличие от Ягоды и Ежова Берия был наиболее талантливым и одаренным руководителем репрессивной машины, созданной в огромной со-

ветской империи Сталиным. Не случайно именно Лаврентий Берия 18 лет оставался рядом со Сталиным, и, хотя последний перед смертью явно утратил доверие к своему земляку, Берия все же сумел пережить своего грозного хозяина и даже вновь подняться к вершинам власти.

Как только в июне 1953 года на руках Берии защелкнулись наручники, кресло министра внутренних дел Союза вновь занял Сергей Круглов. И это несмотря на то, что Круглов работал под началом государственного преступника Л. Берии с ноября 1938 года и должен был волей-неволей попасть под подозрение кремлевских руководителей. Однако в тот период режим решал для себя минимальную задачу: ликвидировать опасного претендента на власть Берию и его самых близких соратников из МВД. С. Круглов в этот список тогда не попал и, заняв кресло министра, должен был стабилизировать обстановку в МВД, где в среде ветеранов министерства возникли уже панические настроения в связи с арестом Берии и ожидаемой всеми массовой чисткой. Однако с широкомасштабной реорганизацией МВД кремлевское руководство тогда решило повременить, ограничившись пока выпуском в свет очередных постановлений ЦК с призывами об улучшении работы, искоренении бюрократизма и усилении бдительности. Лишь в марте 1954 года, в очередной раз за советскую историю, органы госбезопасности вывели из системы МВД. Был образован Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР, и председате-

лем его назначен кадровый чекист Иван Серов, свояк набравшего силу и власть Никиты Хрущева. Министром внутренних дел СССР продолжал оставаться Сергей Круглов.

Реорганизация МВД и КГБ в 1954 году оказалась весьма значительной. Отныне два могучих некогда ведомства имели право вести только следствие: МВД – по уголовным делам, КГБ – по делам государственной безопасности. Внутренняя прокуратура обоих ведомств была ликвидирована. Более того, в союзной прокуратуре появился отдел, контролирующей деятельность МВД и КГБ. Все «особые совещания», обладающие ранее правами внесудебной расправы, отменялись.

Если в лице И. Серова Н. Хрущев имел своего человека в КГБ, то в МВД не было столь прочного тыла. Отношения с С. Кругловым у него явно не ладилась, но предпринять в 1954 году смещение неугодного министра Хрущев так и не решился. Единственное, на что он пошел осенью 54-го, это вернул из лагеря старого большевика А. Снегова, ввел его в коллегия МВД и назначил заместителем начальника Политотдела ГУЛАГа.

3 февраля 1955 года наряду с союзным МВД было образовано и МВД РСФСР. Министром нового ведомства стал уже знакомый нам по предыдущему повествованию Николай Стаханов, который в марте 1953 года, еще в бытность министром внутренних дел Л. Берии, был назначен начальником Главного управления милиции и введен в коллегия МВД, а в 1954-м стал первым заместителем С. Круглова.

В структуру нового министерства вошло 7 управлений – милиции, исправительно-трудовых лагерей и колоний, пожарной охраны, службы МПВО, кадров, архивное и хозяйственное, 6 самостоятельных отделов и три других подразделения. Первая коллегия нового министерства собралась 31 мая 1956 года и была посвящена состоянию уголовной преступности в РСФСР. К 1955 году по сравнению с 1954-м преступность в России возросла с 1906 тысяч до 2155 тысяч случаев, или на 13 процентов, а раскрываемость преступлений составила 85,5 процента. Узда, накинутая когда-то Сталиным на общество, после его смерти несколько ослабла, и преступники не преминули этим воспользоваться. Масштабы эпидемии стало принимать уличное хулиганство. По поводу этого явления на коллегии МВД РСФСР звучали заявления о принятии к хулиганствующим элементам усиленных мер общественного воздействия вплоть до предоставления уличным и домовым комитетам права выносить решение о выселении отдельных лиц из города на определенный срок. Преступность нагнала, а органы внутренних дел России влачили поистине нищенское существование. Например, на весь 1955 год органам внутренних дел России было выделено лишь 56 легковых автомобилей «ГАЗ-69», а 330 поселковых отделений милиции вообще не имели никаких транспортных средств. В таких крупных городах, как Свердловск, Казань, Хабаровск, Новосибирск, Ярославль, Сталинград, не было ни одного телефонизированного поста милиции.

Тем временем по мере укрепления позиций Н. Хрущева на вершине кремлевского Олимпа приближалась к своему логическому завершению и карьера Сергея Крылова на посту министра внутренних дел Союза.

В 1955 году в нескольких городах СССР прошли открытые судебные процессы над соратниками Л. Берии. В Ленинграде перед лицом Фемиды предстал бывший министр союзного МГБ Виктор Абакумов и несколько сотрудников МГБ, повинных в фабрикации летом 1949 года так называемого «ленинградского дела». В Тбилиси судили группу сподвижников Л. Берии во главе с бывшим министром МГБ Грузии Рухадзе. В Баку на скамье подсудимых оказался бывший первый секретарь ЦК КП Азербайджана Багиров, давний соратник Берии еще по работе в ВЧК Азербайджана. Эти судебные разбирательства привлекли внимание сотен тысяч людей. Общество было буквально потрясено столь откровенными разоблачениями преступных деяний некогда такого могущественного ведомства, каким являлось МГБ. Резонанс от этих процессов достиг и ГУЛАГа. К тому времени реабилитация осужденных, начатая еще в 1953 году, шла очень медленно, а за весь 1954 год из мест заключения домой возвратились только 10 тысяч человек, да и то это были бывшие партийные деятели среднего и высшего эшелонов власти. На остальных амнистия почти не распространилась. В результате в лагерях начались бунты, во главе которых стояли уголовники. Один из таких крупных инцидентов произошел в

Норильске на шахте «Капитальная». Заключенным удалось нейтрализовать охрану и отнять у нее оружие. Весть об этом дошла до Москвы, и министр внутренних дел СССР С. Круглов поручил своему заместителю генералу Ивану Масленникову любой ценой подавить восстание. Что было сделано самым безжалостным образом, в результате погибли сотни людей. Точно так же было подавлено и восстание в Кенгире.

Проблема ГУЛАГа вкупе с жестокостью, проявленной С. Кругловым, стала основным козырем Н. Хрущева в борьбе с министром внутренних дел СССР. В конце 1955 года в МВД СССР состоялась коллегия министерства, на которой было отмечено: в руководстве министерством допускалась порочная практика, когда в решении крупных, имеющих государственное значение вопросов нарушался принцип коллективного руководства, не учитывалось мнение членов коллегии и руководителей местных органов. Относительно самого министра внутренних дел коллегия отметила, что он не принял во внимание правильные замечания отдельных руководящих работников министерства, указывавших на необходимость установления ограничений при освобождении из лагерей некоторых категорий преступников.

14 – 25 февраля 1956 года в Москве проходил XX съезд КПСС, на котором Н. Хрущев выступил со своим эпохальным докладом «О преодолении культа личности и его последствий». Хрущев окончательно определился в направлении движения общества в сторону демократизации, и в этом

движении С. Круглову, как министру внутренних дел, места не оставалось. За несколько дней до начала съезда, а точнее – 6, 8, 10 и 11 февраля, в МВД СССР работала правительственная комиссия, собранная по случаю ухода с министерского поста С. Круглова. Имя нового министра было уже известно – им оказался 49-летний Николай Дудоров, до этого никакого отношения к правоохранительной системе не имевший. С конца 30-х годов, начав работать на строительных должностях, Н. Дудоров к 1954 году вырос до заведующего Отделом строительства ЦК КПСС. Таким образом, он оказался первым строителем в советской истории, ставшим волею судьбы министром внутренних дел СССР. Ровно через 32 года его путь на этом поприще повторит и Вадим Бакатин.

Тот факт, что для передачи дел в министерстве от одного министра другому создали правительственную комиссию во главе с секретарем ЦК Аверкием Аристовым, было явлением беспрецедентным и указывало на решение Хрущева разделаться с Кругловым одним ударом. Вместе с правительственной комиссией в составе 5 человек образовали еще 6 подкомиссий из работников отдела административных органов ЦК КПСС, Министерства госконтроля СССР, Минюста СССР, Минобороны СССР, Прокуратуры СССР и союзного Минфина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.